

Троцкий Сталин

КОММУНИЗМ

**Виталий
Сарабеев**

Виталий Сарабеев

Троцкий, Сталин, коммунизм

«Питер»

2021

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)6-8

Сарабеев В.

Троцкий, Сталин, коммунизм / В. Сарабеев — «Питер», 2021

ISBN 978-5-00116-604-7

История первого из двух великих расколов коммунистического движения XX века весьма трагична. Обе стороны сформулировали отношение друг к другу как к кровным врагам. Борьба двух вождей коммунизма определила не только личную судьбу почти всех крупных советских политиков и военачальников того времени, но и путь, по которому развивался СССР вплоть до его гибели. Книга «Троцкий, Сталин, коммунизм» посвящена зарождению, углублению, основным этапам и кровавой развязке противостояния двух большевистских лидеров, формам и особенностям этой борьбы, ее отдельным острым эпизодам. Автор книги Виталий Сарабеев – главный археограф научно-исследовательского отдела Государственного архива Пермского края, основатель и редактор марксистского интернет-журнала «Lenin Crew». В своем исследовании он отдает дань уважения политическому таланту Сталина и Троцкого, но в то же время показывает и ошибки, которые они совершали. Автор, исходя из марксистской методологии, формулирует объективную точку зрения на деятельность Иосифа Сталина и Льва Троцкого в коммунистическом движении, свободную от пропаганды прошлых эпох. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47)(092)

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-00116-604-7

© Сарабеев В., 2021

© Питер, 2021

Содержание

От автора	7
Немного о терминах	11
Часть 1. От истоков до XV съезда ВКП(б)	12
Троцкий и Сталин в революционном движении до начала взаимного противоборства	12
Наследие Ленина	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виталий Сарабеев
Троцкий, Сталин, коммунизм

© ООО Издательство "Питер", 2021

От автора

История же должна служить не для затемнения, а для разъяснения основных вопросов политики. В этом ее смысл, в этом ее значение для марксиста. История – это объяснительная глава к политике. И в этом связь в истории теории с практикой.

Н. Покровский. Ленин и история

Между святыми, как рисует их церковь, и между дьяволами, как их изображают кандидаты в святые, размещаются живые люди: они-то и делают историю.

Л. Троцкий. История русской революции

Эта книга писалась около трех лет в рамках моей работы в коллективе марксистского интернет-журнала Lenin Crew. Решив ответить на ставший уже интернет-мемом в левой политической среде России вопрос «Сталин или Троцкий?», и я, и мои товарищи пришли к выводу: выбирать незачем, плюсы и минусы имеют оба, а классовая сущность их – идентична. Сталин и Троцкий, как и их сторонники, выражали интересы рабочего класса, впервые в истории победившего в России, однако превратились во врагов в силу сложностей, с которыми столкнулось новое общество на многоукладном базисе строящегося социализма, недоразвитого капитализма и докапиталистических пережитков.

История первого из двух великих расколов коммунистического движения XX века весьма долга и трагична, что значительно затрудняет объективное исследование. После того как сторонники троцкистской оппозиции в декабре 1927 года были удалены из ВКП(б), а затем и из других партий Коминтерна, в последующие годы разрыв все расширялся, дойдя до известных событий 1936–1938 годов, в ходе которых было физически уничтожено большинство советских троцкистов. В итоге обе стороны сформулировали отношение друг к другу как к кровным врагам, которые порой опаснее класса капиталистов. Обличение «троцкистов» и «сталинистов» как предателей революции стало неотъемлемой частью пропагандистской работы ВКП(б) – КПСС с просоветскими компартиями, с одной стороны, и партий IV Интернационала, а также его многочисленных осколков – с другой.

Особенно сложна ситуация в нашей стране, где целые поколения выросли на официальной «истории партии», извращавшей многие реальные события путем замалчивания взглядов антисталинских оппозиционеров, в том числе и сторонников Л. Троцкого, а также необоснованных обвинений в их адрес. «Троцкизм – разновидность меньшевизма», «Троцкий противодействовал Октябрьской революции», «Троцкий выступал против строительства социализма в СССР» – все эти и другие штампы, основанные на выдумках, вошли в советское общественное сознание.

Ситуация здесь в основном осталась прежней и после XX съезда КПСС. Хрущевская «десталинизация» во многом также была проявлением политики «изменения прошлого в сегодняшних интересах руководства», что стало нормой еще при Сталине. А теперь и сам Сталин, а также Берия и участники «антипартийной группы Молотова – Маленкова – Кагановича» начали замалчиваться или зачастую несправедливо критиковаться, став «козлами отпущения» за культ личности и репрессии. Однако отношение к Троцкому и троцкистам при этом не изменилось – де-факто были сняты только обвинения времен «Большого террора» в сговоре с фашизмом, шпионаже и терроризме, все остальные пропагандистские вымыслы никуда не делись. Достаточно почитать, например, учебник «История КПСС», изданный в 1963 году, на пике критики Сталина в СССР (1961–1964 годы, между XXII съездом КПСС и отставкой Хру-

щева). Тексты Троцкого и других оппозиционеров так и остались в спецхранах, туда же теперь отправились и труды Сталина.

После 1964 года следующие 20 лет стали настоящим белым пятном в плане изучения истории раскола в большевистской партии. Как и во многих других вопросах, брежневская команда действовала здесь по принципу «пусть будет как есть, главное, чтобы стабильно». Книжки по истории партии лишь повторяли все те же штампы о троцкизме (с которым теперь боролись не Сталин и соратники, а просто «партия»), критика Сталина была сведена к минимуму, но и упоминание о его заслугах – тоже. «Большой террор» 1937–1938 годов в целом, московские открытые судебные процессы, голод 1932–1933 годов – все это как бы исчезло из истории. В СССР выходили биографии партийных деятелей и полководцев, расстрелянных при Сталине и реабилитированных при Хрущеве, однако в этих книгах и статьях тщательно обходились обстоятельства их смерти. В лучшем случае, но далеко не всегда писалось одной строкой: «Трагически погиб в годы культа личности». В итоге возник вакуум, который стали заполнять диссидентские писания антикоммунистического толка, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына – самый известный пример. По сути, готовилась почва для той вакханалии вокруг темы Сталина и репрессий, которая развернулась в годы Перестройки.

В конце 1980-х на жителей СССР обрушился буквально вал антисталинской публицистики, где реальные факты были смешаны с самым диким вымыслом, а количество пострадавших от репрессий часто во много раз преувеличивалось. Все это использовалось для дискредитации социализма, для пропаганды идеи «возвращения к демократии и рыночной экономике». Некоторое время демонизация Сталина шла под лозунгом «возвращения к Ленину», в том числе реабилитации деятелей антисталинской оппозиции, как тогда говорили, «ленинской гвардии». Однако здесь руководителям развала СССР нужны были исключительно фигуры, которые можно было использовать для пропаганды рыночного курса, в первую очередь Н. Бухарин, А. Рыков и другие «правые». Троцкому же в картине «идеальный гуманист и рыночник Ленин с такими же соратниками против злодея Сталина» отводилась роль чего-то «чуть получше Сталина», «нереализовавшегося Сталина». Достаточно сказать, что Бухарин, например, был реабилитирован в 1988 году, тогда же о нем было написано большое количество апологетических материалов, переиздавались его труды. А Троцкого в СССР начали издавать только в 1990 году, когда Перестройка уже приняла откровенно антикоммунистический характер и на всех большевиков, включая Троцкого, начали лить грязь. Оппозиционеры стали «такими же палачами, как и Сталин».

Тем не менее та роль, которую сыграла антисталинская кампания в Перестройку, нанесла серьезную травму многим людям левых взглядов. В результате в 1990-е годы среди сторонников социализма в России (кроме совсем немногочисленных тогда троцкистов) стало как бы неудобно критиковать Сталина и его политику, в любой такой критике стали видеть «помощь буржуазной пропаганде». Любые упоминания о лживом характере Московских процессов, заслугах репрессированных большевиков вызывают у многих людей ассоциации исключительно с перестроечным «Огоньком» и подобными вещами.

Уже в 1990-х, а еще больше – в новом столетии началась обратная волна: появилось большое количество авторов просталинской ориентации, огульно оправдывающих все его действия и повторяющих традиционные обвинения в адрес оппозиции, порой еще и с добавлением новых выдумок, прежде всего касающихся мнимых «руссофобии», «сионизма», «иудейства» Троцкого и других большевиков. Такие авторы – это своего рода зеркальное отражение перестроечного «Огонька», они столь же далеки от установления исторической истины. Их популярность основана как на протестных просоветских настроениях в российском обществе, так и на изменении характера антиреволюционной пропаганды в буржуазной России. Теперь агитпроп империалистической РФ, радея о государстве и патриотизме, обличая «аген-

тов Запада», зачастую готов считать Сталина, как «государственника», меньшим злом по сравнению с «теми, кто хотел сжечь Россию в топке мировой революции».

По сути, в публицистике просоветского толка сформировалось целое направление псевдоисториков, создающих новую версию того, что называется «фолк-истори». Подобные авторы игнорируют архивные документы и вообще данные современной исторической науки, продолжая по исключительно идеологическим мотивам обличать «продавшего фашизму антисоветчика Троцкого» и, наоборот, идеализировать Сталина, представляя «Большой террор» как расправу с реальной «пятой колонной империализма». Все, что противоречит этой картине, дискредитируется как обнародованное при «ревизионисте-троцкисте» Хрущеве и в Перестройку. В последние годы некоторые «защитники Сталина» дописались до утверждений о якобы проведенной не то Никитой Хрущевым, не то Александром Яковлевым массовой фабрикацией всего корпуса документов по репрессиям, прежде всего по событиям 1937–1938 годов. Верить, по мнению таких сталинистов, надо исключительно газете «Правда» и прочему официозу сталинского времени. Кто верит документам, которые этому официозу противоречат, – тот единомышленник «Мемориала», «Новой газеты» и т. д.

Подобные левые аналоги неоязыческих, неонацистских и подобных псевдоисториков (тоже считающих многие давно доказанные факты «выдумкой темных сил») прикрываются как «красным» патриотизмом, так и, что еще отвратительнее, марксизмом, если речь идет о сталинистских сектах, считающих себя марксистскими.

Впрочем, не отстают и современные российские троцкистские авторы. Казалось бы, зачем повторять оценки СССР и Сталина, данные оторванным от социалистического строительства, не имевшим достаточной информации для объективной оценки Троцким, к тому же озлобленным, совершившим много ошибок в последние годы? Но нет, и здесь «святое евангелие» важнее и диалектики, и марксизма, и, наконец, просто здравого смысла. А причина все та же: люди, считающие себя марксистами, руководствуются эмоциями и голой идеологией вместо науки. Большинство «сталинистов» и «троцкистов» в этом полностью идентичны друг другу.

Обе стороны тут являются частью находящейся в удручающем состоянии российской левой среды. Они прекрасно дополняют буржуазные мифы о коммунистическом движении и советской эпохе либерального, националистического и других толков. Псевдомарксисты точно так же обманывают людей, мешая им самостоятельно разобраться в вопросах прошлого.

Нужно упомянуть, что заметную попытку преодолеть ложные пропагандистские клише «сталинизма-троцкизма» предпринял в середине 2000-х годов российский и украинский левый публицист Виктор Шапинов. Однако он утопил эту тему в политиканстве и очередных «объединительных проектах», ограничившись парой статей вместо основательного исследования. А затем Шапинов деградировал до вульгарного пропагандиста пророссийского сепаратизма на Украине.

Тем не менее через пласты сектантства и «альтернативной истории» пробиваются и новые ростки марксистского научного анализа, в том числе истории СССР. Особенно хочу здесь отметить ВК-паблик и ютуб-канал «Цифровая история», коллектив которых во главе с историком Егором Яковлевым особенно активен в деле отстаивания исторической истины против мифов любого направления. Надеюсь, посильный вклад в это необходимое дело внесет и мое исследование.

Ведь на самом деле нам, современным российским марксистам, как воздух необходим критичный, нелицеприятный разговор об ошибках коммунизма в прошлом веке. И этот разговор должен касаться всех его организаций и видных представителей. Мы, а вовсе не «Мемориал», «Новая газета» или правительство постмайданной Украины заинтересованы в освобождении истории коммунистического движения от выдумок всех разновидностей – ведь мы

хотим использовать его опыт для строительства коммунистического общества в условиях XXI века.

И этому освобождению не должны мешать перестроечные комплексы и эмоциональные причитания типа «как же можно соглашаться с антикоммунистами». Отрицать факты, которые документально доказаны, если они противоречат идеализированным картинам, или, наоборот, выдавать за правду давно разоблаченный вымысел, достойно сказочников, а не марксистов. И Сталин, и Троцкий, и многие другие борцы за коммунизм совершали достаточно ошибочных и просто неприглядных с точки зрения интересов пролетариата действий. Но это не делает их «предателями интересов рабочего класса». Кто сказал, что выразитель этих интересов обязательно будет идеальным человеком в плане проведения неизменно верной политики и соответствия коммунистической морали? Такого никогда не было и не будет в будущем.

Критикуя действия и Сталина, и Троцкого, эта книга подмечает больше критических моментов в деятельности первого. Но это вызвано разными ролями обоих героев в истории коммунизма – именно Сталин возглавлял строительство социализма в СССР и политику всего мирового коммунистического движения на протяжении более четверти века. У Сталина больше, чем у Троцкого, заслуг перед коммунизмом, но выше и ответственность, больше и моментов, заслуживающих критики.

Моя работа написана на основе как опубликованных первоисточников, так и изученных работ исследователей, принадлежащих к различным политическим лагерям – либеральному, троцкистскому, просоветскому. Главным критерием было использование в исследованиях в первую очередь большого количества документов, а не публицистических рассуждений.

Целый ряд сюжетов, важных для описываемой эпохи, затронут в книге лишь вскользь, так как подробный их разбор требовал бы отдельного исследования. Это касается, например, коллективизации и Великой Отечественной войны. Также и «Большой террор» описывается лишь в той мере, в какой он касается главной темы книги – политического противоборства в коммунистическом движении между сторонниками Сталина и Троцкого.

Цитирование использованных работ может показаться чрезмерным, однако, на мой взгляд, оно необходимо. Тема борьбы Сталина и Троцкого отличается таким накалом страстей, что взгляды и деятельность обоих часто бесстыдно фальсифицируются в ходе дискуссий. Поэтому их прямая речь должна присутствовать в исследовании в большом количестве, так же как и выдержки из документов и работ известных исследователей.

Некоторые товарищи высказывали критику по поводу использования в книге термина «Большой террор», автором которого является известный антикоммунистический пропагандист времен холодной войны Роберт Конквест. На мой взгляд, несмотря на происхождение, этот термин очень хорошо отделяет массовые репрессии 1937–1938 годов, уникальные по своему масштабу и значению для советской коммунистической партии, от других репрессивных кампаний советского времени, поэтому его использование оправданно.

У меня нет сомнений, что объективная точка зрения на деятельность Иосифа Сталина и Льва Троцкого в коммунистическом движении, свободная от пропаганды прошлых эпох, лет через двадцать–тридцать станет общепринятой в пролетарском движении России и мира. Никаким мифам не устоять против истины, и пресловутый «ветер истории» – это действительно не пустой звук.

Виталий Сарабеев, январь, 2021 год

Немного о терминах

Пытаясь проанализировать с марксистских позиций и освободить от мифологии вопрос противостояния различных групп в большевистской партии в 1920–1930-х годах, первым делом необходимо разобраться с терминологией. Под такими словами, как «сталинизм», «троцкизм», «социализм», в современном левом движении могут пониматься самые различные вещи, и подобный терминологический произвол немало способствует запутыванию вопроса, участники бесконечных дискуссий просто-напросто часто говорят на разных языках. В данном материале термины предполагают под собой следующее:

Сталинизм – течение в современном левом движении, считающее строительство социализма в СССР при Сталине образцом для будущего во всех аспектах. Сталинисты отрицают наличие сколько-нибудь значимых ошибок у Сталина на протяжении всей его политической биографии, в первую очередь в период руководства СССР. При этом Сталин защищается как марксист, сталинисты считают сталинскую политику творческим применением марксизма. Националистических, антикоммунистических, а также реформистских поклонников Сталина (типа КПРФ) неправомерно относить к сталинистам в данном значении.

Троцкизм – течение в левом движении, опирающееся на оценки Троцкого, данные им политике Сталина и сущности общественно-политического строя в СССР после победы сталинской группы в ВКП(б) (деформированное рабочее государство во главе с бюрократически переродившимся руководством, продолжающим защищать интересы рабочего класса лишь постольку, поскольку они совпадают с интересами бюрократии). Троцкизм как течение сформировался в конце 1920-х годов, после исключения Троцкого и его сторонников из ВКП(б) и других коммунистических партий. Также троцкистами можно называть группу Троцкого в РСДРП дореволюционного периода, не принадлежавшую ни к большевикам, ни к меньшевикам. К троцкизму не относятся коммунисты, признающие сталинскую политику в целом коммунистической и критически относящиеся к Сталину лишь по отдельным вопросам, а также те левые, кто полностью отрицает прогрессивный характер СССР, расходясь в этом с Троцким.

Социализм – первая фаза коммунистической формации, характеризующаяся диктатурой рабочего класса и плановой экономикой на базе обобществленных средств производства. Возникший после победы пролетарской революции в относительно отсталой стране социализм наследует эту отсталость и по ряду важных параметров (производительность труда, уровень потребления масс) может уступать наиболее развитым капиталистическим странам. Однако это не отменяет наличия социализма как более прогрессивного общественно-экономического строя в данной стране. Опыт XX века более чем полностью подтвердил ленинские слова о том, что *«неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма»*¹. Большинство успешных социалистических революций происходило в странах, отнюдь не принадлежавших к наиболее развитым, но где наибольшей остроты достигли общественные противоречия. В результате пришедшему к власти рабочему классу приходилось во многом доделывать работу капитализма (в плане индустриализации, распространения грамотности, элементарной культуры и т. д.) наряду с социалистическим развитием.

Как мы покажем далее, путаница в определении социализма, существовавшая и существующая среди марксистов, сыграла немалую роль в расколе советской коммунистической партии 1920-х годов.

---

¹ Ленин В. О лозунге Соединенных Штатов Европы // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 26. – С. 354.

Часть 1. От истоков до XV съезда ВКП(б)

Троцкий и Сталин в революционном движении до начала взаимного противоборства

РСДРП, в том числе и ее большевистское крыло, окончательно выделившееся в самостоятельную партию в 1917 году (на уровне руководства – в 1912 году, после Пражской конференции), за два десятка лет своей дореволюционной борьбы в подполье и эмиграции прошла целый ряд этапов в плане конфликтов, расколов и объединений внутри партии.

Классическая советская схема партийной истории, переключавшаяся на страницы нынешней левой сталинистской публицистики, игнорировала всю сложность ситуации в РСДРП в различные моменты. Картина борьбы партии большевиков (с этим словом было синонимично определение «сторонники Ленина») с партией оппортунистов (якобы представлявших собой исключительно разновидности меньшевизма) крайне упрощала реальную ситуацию, упуская из виду целый ряд обстоятельств.

1. Раскол 1903 года прошел лишь по верхнему слою РСДРП. Но даже этот слой вряд ли мог тогда представить, что большевики и меньшевики станут двумя враждебными друг другу партиями, оказавшимися по разные стороны баррикад в ходе Гражданской войны. Поэтому очень критически стоит относиться к переносу ситуации открытого противостояния двух партий на ситуацию более ранних лет, когда многие и большевики, и меньшевики считали себя единой партией, способной преодолеть фракционные разногласия. В тенденции к примирению с меньшевиками, в совместной работе с ними впоследствии можно было обвинять практически любого ветерана партии, что широко использовалось во внутривнутрипартийной борьбе послереволюционного периода. Например, в 1920-х годах Троцкий, отбиваясь от оппонентов, говорил по поводу некоторых наиболее ярых обличителей троцкизма:

«После Февральской революции Ярославский издавал в Якутске вместе с меньшевиками журнал “Социал-Демократ”, который представлял собой образчик предельной политической пошлости и стоял на самой грани между меньшевизмом и захолустным либерализмом. Ярославский возглавлял тогда якутскую примирительную камеру, дабы охранять благолепие демократической революции от столкновений рабочих с капиталистами. Тем же духом были проникнуты все статьи журнала, редактором которого был Ярославский. Другими сотрудниками, не нарушавшими дух издания, являлись Орджоникидзе и Петровский, нынешний председатель украинского ЦИКа. В передовой статье, которая могла бы показаться невероятной, если б не была напечатана черным по белому, Петровский размазывал слезы умиления по поводу пожертвованных неким чиновником 50 рублей на благие дела и выражал убеждение, что революция получит настоящий расцвет с того момента, когда имущие классы последуют примеру благородного титулярного, а может быть, и надворного советника. Вот эти строго выдержанные “марксисты” и негибимые “революционеры” редактируют теперь Ленина и пытаются редактировать всю историю»².

---

² Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl035.htm.

2. Революционные события 1905 года подстегнули тенденцию к объединению. Неслучайно именно в период Первой русской революции была предпринята наиболее известная попытка ликвидации фракций – на Стокгольмском съезде РСДРП в 1906 году. По поводу его итогов Ленин писал:

«Крупным практическим делом является слияние фракций меньшинства и большинства. Раскол прекращен. С.-д. пролетариат и его партия должны быть едины. Организационные разногласия изжиты почти целиком. Остается важная, серьезная и чрезвычайно ответственная задача: воплотить действительно в жизнь принципы демократического централизма в организации партии – добиться упорной работой того, чтобы основной организационной ячейкой партии стали на деле, а не на словах низшие организации, чтобы все высшие учреждения были действительно выборны, подотчетны и сменяемы. Надо упорной работой сложить такую организацию, которая включала бы всех сознательных рабочих с.-д. и которая жила бы самостоятельной политической жизнью. Автономия всякой партийной организации, признаваемая до сих пор больше на бумаге, должна быть проводима и проведена в жизни. Борьбу за места, боязнь другой “фракции” надо устранять и устранить. Пусть на деле будут у нас единые организации партии с чисто идейной борьбой различных течений с.-д. мысли внутри них»³.

3. Даже на уровне руководства попытки примирения имели место еще в 1910–1911 годах⁴. Разница в подходах между фракциями была в том, на какой платформе объединяться. Большевики настаивали на принятии всеми социал-демократами своей программы и организационных принципов, с чем были не согласны как меньшевики, так и социал-демократы, занимавшие промежуточную позицию. В итоге в 1912 году Пражская конференция большевиков-ленинцев и Венская конференция меньшевиков и промежуточных групп (на последней был создан недолговечный «Августовский блок») знаменовали окончательное размежевание социал-демократического руководства и эмиграции.

В России же, особенно в провинции, размежевание было далеко не закончено. В то время как эмигранты раскалывались, многие из работников РСДРП, действовавшие в подполье в России, не видели серьезных причин для окончательного размежевания, находили их надуманными. Например, в апреле 1910 года, вскоре после пленума ЦК РСДРП, на котором была предпринята попытка объединения обеих фракций, группа социал-демократов из Москвы в своем обращении «К заграничным товарищам» оценивала ситуацию следующим образом:

«Вопрос о фракционности. В процессе работы, и работы интенсивной, когда нам приходилось напрягать все силы, чтобы удержать рабочие организации от окончательного развала, чтобы хоть сколько-нибудь оживить их деятельность, чтобы уничтожить ту деморализующую атмосферу, которая создалась вокруг рабочих организаций, нам самим ходом вещей диктовалась необходимость объединения всех работников социал-демократов, которые еще не ушли и не покинули работу. Здесь, перед лицом почти полного распада (и не только в нелегальных, но и в легальных организациях) мы должны были собирать всех, объединять наши силы...»

«В процессе живой работы, – говорилось далее в обращении, – принципиальные расхождения постепенно сглаживались и слабо проявлялись в работе».

---

³ Ленин В. Доклад об объединительном съезде РСДРП // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 13. – С. 60–61.

⁴ См., например: Ленин В. К единству // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 19. – С. 192–201.

«Объединение было встречено здесь, среди нас, сочувственно, как явление, которое завершило процесс объединения фактического, а не словесного объединения на работе. Факт начавшихся новых разногласий и раздоров не мог поэтому не быть встречен нами отрицательно, как явление непродуманное, носящее сплошь и рядом личный характер, не могущее внести ничего, кроме деморализации, в среду товарищей. Это относится не к какой-либо отдельной из двух спорящих сторон, но и к обоим вместе. Во всяком случае, мы заявляем, что, вопреки всем вашим разъединениям, мы будем работать вместе. У нас нет почвы для подобного рода “разъездов”»⁵.

И даже еще летом 1917 года, судя по докладам некоторых делегатов VI съезда партии большевиков, взявшего курс на насильственный захват власти рабочим классом и беднейшим крестьянством, в ряде мест большевики и меньшевики составляли единую организацию:

«В нашу область входят: Таганрог, Луганск, Мариуполь, Бахмут, Екатеринослав, Ростов н/Д, Новочеркасск, Харьков и прилегающие к ним рудники: Щербиновка, Макеевка, Юзовка и др. Все организации, которые были представлены на областной конференции, – организации большевистские, за исключением Кривого Рога, где организация объединенческая», – докладывал делегат съезда Каменский⁶.

4. Кроме большевиков и меньшевиков, существовали также внефракционные социал-демократы, имевшие расхождения с обеими основными фракциями; видным представителем этой части РСДРП с 1904 по 1917 год был, в частности, Лев Троцкий. Троцкий и его сторонники как раз и пытались опираться на российскую часть РСДРП, где была более выражена тенденция к единству. «Насчет успешности политики Ленина... Мне кажется, что Вы недостаточно информированы. Конференция его представляла 400–500 человек, и в России у него почти ничего нет. Наиболее зрелые большевики все считают себя примиренцами», – утверждал Троцкий в 1912 году в одном из писем к видному деятелю РСДРП историку Михаилу Покровскому, также в то время бывшему «внефракционным социал-демократом»⁷.

5. Существовали также большевики, не бывшие в то же время «ленинцами», – группа «Вперед», поддерживавшая основные пункты политической программы большевиков, но разошедшаяся с ленинской группой по ряду актуальных вопросов периода реакции, прежде всего по работе в легальных организациях. Лидерами группы были, в частности, А. Богданов, Л. Красин, А. Луначарский.

Таким образом, РСДРП до революции представляла собой целый конгломерат группировок, объединявшихся и вновь раскалывавшихся. Та партия большевиков, которая возглавила Октябрьскую революцию, во многом была окончательно сформирована лишь весной-летом 1917 года, в ходе размежевания революционеров в новой обстановке, вызванной свержением самодержавия.

Какова же была роль двух будущих антагонистов ранней советской истории в дореволюционный период?

Сталин с самого начала раскола РСДРП неизменно принадлежал к ее большевистскому крылу. Он был одним из видных организаторов и пропагандистов среди закавказских большевиков. Выход Сталина на общероссийский уровень, включение его в руководство партии не случайно произошло в 1910–1912 годы, в период реакции после поражения революции 1905

⁵ Шляпникова И. Александр Шляпников и его время. – М., 2016. – С. 166–167.

⁶ Шестой съезд РСДРП(б). – М., 1934. – С. 51.

⁷ Письма Л.Д. Троцкого к М.Н. Покровскому по издательским делам. 1913–1921 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pokrovsky.newgod.su/archive/pisma-trockogo-k-pokrovskomu-po-izdatelskim-delam/>.

года. В условиях развала партийных организаций, массового отхода людей от РСДРП, как и от других революционных партий, Сталин был одним из немногих, кто не дрогнул и продолжил активную работу.

Город Баку, где одним из лидеров большевистского крыла РСДРП был Сталин, входил в годы реакции в число центров наибольшей активности большевиков. Биограф Сталина Н. Капченко в своем трехтомном исследовании указывает:

«В этот период Коба не раз обращается и к ставшему весьма актуальным вопросу о необходимости созыва общепартийной конференции и особенно подчеркивает назревшую потребность перенесения практического центра руководства партийной работой из-за границы в Россию. Показателем того, что к его мнению прислушиваются в партийных верхах и уже признают в определенной мере его авторитет в качестве работника общероссийского формата, стало назначение Кобы уполномоченным ЦК партии (“агент ЦК”)⁸.

Также включение Сталина в партийное руководство было непосредственно связано с решением пленума ЦК РСДРП, принятым в январе 1910 года, о создании Русского бюро ЦК, пополнении состава Центрального комитета партийными работниками, действовавшими в России. Таким образом партия старалась ликвидировать возникший в годы реакции отрыв эмигрантского руководства партии от российских парторганизаций. В своих воспоминаниях ветеран партии М.И. Фрумкин писал: *«Приблизительно в конце февраля 1910 г. приехал в Москву из-за границы с Пленума ЦК В.П. Ногин (Макар). Основная его задача была организовать часть ЦК, которая должна работать в России. В эту русскую часть по соглашению с меньшевиками должны были войти и три их представителя. <...> Но эта тройка категорически отказалась вступать в грешную деловую связь с большевиками. Тогда на совещании пишущего эти строки с Ногиным было решено предложить ЦК утвердить следующий список пятерки – русской части ЦК: Ногин, Дубровинский-Иннокентий (приезд его из-за границы был решен), Р.В. Малиновский, К. Сталин и Владимир Петрович Милютин. <...> Сталин был нам обоим известен как один из лучших и более активных бакинских работников. В.П. Ногин поехал в Баку договариваться с ним»⁹.*

Причем надо отметить, что данные воспоминания были написаны в 1922 году, и речь в данном случае не может идти о сознательном преувеличении роли Сталина в партии, которое стало частью партийной пропаганды в области истории с 1930-х годов. Можно согласиться с Капченко в том, что *«с точки зрения исторической достоверности представляется бесспорным тот факт, что в 1910 году Коба стал котироваться в большевистских верхах в качестве одного из ведущих партийных руководителей»¹⁰*. Два года спустя, в 1912 году, Сталин стал членом большевистского Центрального Комитета.

Активность Сталина в подполье, его накопившийся к тому времени богатый революционный опыт самой «черновой» работы привели к тому, что он оказался востребован в большевистском руководстве. К этому же периоду относятся и наиболее значительные дореволюционные теоретические работы Сталина: «Анархизм или социализм?» и «Марксизм и национальный вопрос». Сталин был по сути «универсальным солдатом» большевизма, способным на самые разные виды революционной деятельности, от написания теоретических статей до участия в организации экспроприаций. Вполне заслуженно он встретил 1917 год одним из лидеров партии большевиков.

Это, впрочем, не значит, что у него не было неверных воззрений. Как и многие партийные практики, Сталин порой проявлял пренебрежение к идейной борьбе в РСДРП, которая

---

⁸ Капченко Н. Политическая биография Сталина: В 3 т. – Тверь, 2004. Т.1. 1879–1924. – С. 250.

⁹ Там же. – С. 251.

¹⁰ Капченко Н. Политическая биография Сталина: В 3 т. – Тверь, 2004. Т.1. 1879–1924. – С. 250.

велась верхушкой партии в эмиграции. В частности, в 1911 году в письме В.С. Бобровскому Сталин характеризовал происходящее размежевание, столкновение партийных группировок как «бурю в стакане воды»:

«О заграничной “буре в стакане воды”, конечно, слышали: блоки – Ленина – Плеханова, с одной стороны, и Троцкого – Мартова – Богданова – с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на границу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: “Пусть, мол, лезут на стенку сколько их душе угодно, а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работает, остальное приложится”. Это, по-моему, к лучшему»¹¹.

Естественно, подобная характеристика борьбы большевиков с оппортунизмом свидетельствовала о недостаточной теоретической подготовке Сталина, о том, что роль идейного противостояния явно недооценивалась им в тот период. Как мы уже показали выше, такая тенденция была заметной среди социал-демократов, в том числе и большевиков, действовавших в России, и Сталин выражал мнение многих подпольщиков. Сталин здесь, пусть и в более умеренной форме, совершал ту же ошибку, что и Троцкий, считая идейную борьбу в РСДРП порождением в значительной мере личных амбиций.

В целом реальный политический портрет Сталина как революционера далек как от «гения», так и от «серой посредственности» – обоих штампов, которые до сих пор в ходу среди нынешних российских левых. Это был выдающийся деятель большевизма, с разносторонними способностями, не лишенный, естественно, недостатков и ошибочных взглядов по некоторым вопросам.

К Троцкому, в отличие от Сталина, общероссийская (и европейская) известность в качестве видного деятеля социал-демократии пришла очень рано. Однако его путь в революции был гораздо более противоречив. Как известно, при расколе в 1903 году Троцкий примкнул к меньшевикам, вскоре написав яростный антибольшевистский памфлет «Наши политические задачи», в котором не жалел обличительных эпитетов в отношении В.И. Ленина, обвиняя его в насаждении «казарменного режима» в партии¹².

Правда, в рядах меньшевиков Троцкий оставался всего около года, а затем 13 лет являлся внефракционным членом РСДРП. Сразу оговоримся: мы считаем несостоятельным известный пропагандистский штамп о «троцкизме как разновидности меньшевизма», где под «троцкизмом» имеется в виду деятельность Троцкого за весь период 1903–1917 годов. Этот штамп был изобретен в 1920-е годы, до революции же разницу между различными группами в РСДРП хорошо понимали все члены партии¹³. Троцкий и группа его сторонников после отхода от меньшевиков продолжали расходиться с большевиками по организационным вопросам, ратуя за объединение всех фракций РСДРП и считая, что главная причина раскола – амбиции лидеров как большевизма, так и меньшевизма. Однако Троцкий был близок к большевикам по важнейшему вопросу – о перспективах революционного движения в Российской империи, на чем он довольно быстро и разошелся с меньшевиками.

Как и большевики, Троцкий отвергал союз пролетариата с либеральной буржуазией в борьбе против самодержавия (вытекавший из меньшевистского догматизма), настаивал на

---

¹¹ *Сталин И.* Письмо В.С. Бобровскому, 24 января 1911 г. // И. Сталин. Сочинения. – Тверь, 2004. Т. 17. – С. 18.

¹² *Троцкий Л.* К истории русской революции. – М., 1990. – С. 76.

¹³ По трудам Ленина видно, что, резко критикуя Троцкого, он, тем не менее, начиная с 1905 года не относит его к меньшевикам. См., например: *Ленин В.* Отношение к буржуазным партиям // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 15. – С. 368: «Против включения таких вопросов в порядок дня Лондонского съезда РСДРП велась ожесточенная борьба меньшевиками и бундовцами, поддержанными здесь, к сожалению, внефракционным Троцким»; Письмо В. Ленина А.М. Горькому // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 47. – С. 137: «...У меня, например, лично с Троцким большая баталия, драка была отчаянная в 1903–5 годах, когда он был меньшевиком...».

гегемонии рабочего класса в революции в союзе с крестьянством. А после победы – на перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую без сколько-нибудь продолжительного промежуточного этапа¹⁴. Основой взглядов Троцкого стало применение к российским условиям идеи о непрерывной (перманентной) революции, выдвинутой Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом после поражения буржуазно-демократических революций 1848–1849 годов в Германии, Франции и других странах Европы. Видя предательство буржуазии, предпочитавшей договориться с монархическими режимами, и непоследовательность мелкобуржуазных элементов, основатели научного коммунизма сделали вывод о том, что руководителем революционных изменений теперь может быть только рабочий класс, который, возглавив демократическую революцию, не остановится на ее задачах, пойдя дальше, к революции социалистической¹⁵.

Отличие «теории перманентной революции», сформулированной Троцким вместе с социал-демократом А.Л. Парвусом¹⁶ в период революции 1905–1907 годов, от ленинской, большевистской позиции применительно к ситуации в России начала XX века сводилось к различной оценке роли крестьянства в революции. Ленин считал, что после свержения самодержавия власть в России будет «революционной диктатурой пролетариата и крестьянства». В то время как Троцкий, указывая на то, что крестьянство неизбежно пойдет либо за пролетариатом, либо за буржуазией, полагал возможным установление пролетарской диктатуры в России сразу же вслед за революционным переворотом:

«Но участие пролетариата в правительстве и объективно наиболее вероятно, и принципиально допустимо лишь как доминирующее и руководящее участие. Можно, конечно, назвать это правительство диктатурой пролетариата, крестьянства и интеллигенции или, наконец, коалиционным правительством рабочего класса и мелкой буржуазии. Но все же останется вопрос: кому принадлежит гегемония в самом правительстве и через него в

---

¹⁴ Взгляды Троцкого, а также критику им в этот период как меньшевиков, так и большевиков см., например: *Троцкий Л.* Наши разногласия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iskra-research.org/Trotsky/Permanent/chapter27.shtml>.

¹⁵ См., например: «Далекое от мысли произвести переворот во всем обществе в интересах революционных пролетариев, демократические мелкие буржуа стремятся к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество... Чем дальше идут отдельные лица или фракции мелкобуржуазной демократии, тем большее количество этих требований они делают своими, а те немногие, которые в вышеизложенном видят свою собственную программу, пожалуй, могут вообразить, что это максимум того, чего вообще можно ожидать от революции. Но эти требования ни в коем случае не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества». *Маркс К., Энгельс Ф.* Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850 г. // *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения. – М., 1956. Т.7. – С. 260–261.

¹⁶ Между взглядами Троцкого и Парвуса была, однако, и существенная разница. Троцкий впоследствии писал: «Парвус не считал, что рабочее правительство в России имеет выход в сторону социалистической революции, т. е. что оно может перерасти в социалистическую диктатуру в процессе выполнения им задач демократии... Парвус ограничивал задачи рабочего правительства задачами демократии... Парвус и в 1905 г. видел в завоевании власти пролетариатом путь к демократии, а не к социализму, т. е. он отводил пролетариату только ту роль, какую он у нас действительно выполнял в первые 8–10 месяцев Октябрьской революции. В качестве дальнейшей перспективы Парвус и тогда уже указывал австралийскую демократию того времени, т. е. такой режим, когда рабочая партия управляет, но не господствует, проводя свои реформистские требования лишь как дополнения к программе буржуазии». *Троцкий Л.* Перманентная революция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl004.htm.

стране? И когда мы говорим о рабочем правительстве, то этим мы отвечаем, что гегемония будет принадлежать рабочему классу»¹⁷.

В этом вопросе хорошо видна некоторая схематичность мысли Троцкого и склонность к поспешным выводам. В своей знаменитой статье «Итоги и перспективы» он утверждал, что российский пролетариат, взяв власть в союзе с крестьянством, неизбежно лишится поддержки крестьянства после того, как будут выполнены буржуазные, антифеодалные задачи русской революции. Крестьяне, как мелкие собственники, отвернутся от той власти, которая возьмет курс на социализм, и все надежды на сохранение диктатуры пролетариата в России могут быть связаны только с революцией в наиболее развитых странах Западной Европы¹⁸. Эта ставка Троцкого, при всех изменениях его позиции в дальнейшем, неизменно сохранится во всех политических расчетах Льва Давидовича, сыграв роковую роль в его судьбе.

Позиция Ленина насчет перспектив, которые ждали союз рабочего класса и крестьянства после уничтожения самодержавия и феодализма в России, была более взвешенна. Он предпочитал не забежать вперед, понимая, что многое будет зависеть от конкретной ситуации, которая сложится к тому времени. В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин писал:

«Наступит время – кончится борьба с русским самодержавием – минет для России эпоха демократической революции – тогда смешно будет и говорить о “единстве воли” пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т. д. Тогда мы подумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата и подробнее поговорим о ней»¹⁹.

Однако и у Ленина в этой же работе присутствует мысль о том, что при переходе к социалистическим задачам революции бывшей союз пролетариата и крестьянства неизбежно подвергнется эрозии:

«Несомненно, наконец, что и у нас в России успех крестьянской борьбы, т. е. переход к крестьянству всей земли, будет означать полный демократический переворот, являясь социальной опорой доведенной до конца революции, но отнюдь не социалистический переворот и не “социализацию”, о которой говорят идеологи мелкой буржуазии, социалисты-революционеры. Успех крестьянского восстания, победа демократической революции лишь расчистит путь для действительной и решительной борьбы за социализм на почве демократической республики. Крестьянство, как землевладельческий класс, сыграет в этой борьбе ту же предательскую, неустойчивую роль, какую играет теперь буржуазия в борьбе за демократию. Забывать это – значит забывать социализм, обманывать себя и других насчет истинных интересов и задач пролетариата»²⁰.

Таким образом, при всем различии антагонизма в позиции Троцкого и большевиков не было и в данном вопросе. Можно согласиться с Троцким, писавшим впоследствии:

«Если рассматривать давние мои разногласия с Лениным не в разрезе вырванных на лету цитат такого-то года, месяца и дня, а в правильной исторической перспективе, то станет совершенно ясно, что спор шел,

---

¹⁷ Троцкий Л. Итоги и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iskra-research.org/Trotsky/Permanent/chapter24.shtml>.

¹⁸ Троцкий Л. Итоги и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iskra-research.org/Trotsky/Permanent/chapter24.shtml>.

¹⁹ Ленин В. Две тактики социал-демократии в демократической революции // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 11. – С. 75–76.

²⁰ Там же. С. 127.

по крайней мере с моей стороны, не о том, нужен ли для разрешения демократических задач союз пролетариата с крестьянством, а о том, какую партийно-политическую и государственную форму может принять революционная кооперация пролетариата и крестьянства и какие из этого вытекут последствия для дальнейшего развития революции»²¹.

Как известно, революция 1905 года потерпела поражение и сменилась периодом реакции. Таким образом, в то время история не устроила практической проверки подхода Ленина и подхода Троцкого к революции в России. Оказалась бы «теория перманентной революции» действительно «несуразно-левой» (как отозвался о ней Ленин в ходе полемики с Троцким накануне начала Первой мировой войны²²) в условиях свержения самодержавия в России в 1905 году и образования демократического правительства, теперь никак не установить. А 12 лет спустя расстановка сил в России была уже иной, и новая ситуация сняла разногласия между Троцким и Лениным.

Несколько забежав вперед, скажем тут о том, что в 1928 году, уже будучи исключенным из ВКП(б) и сосланным в Алма-Ату, Троцкий написал работу «Перманентная революция», где «актуализировал» свою старую теорию с учетом опыта Октябрьской революции. Смысл этой теории он резюмировал следующим образом:

«...Она показывала, как демократические задачи отсталых буржуазных наций непосредственно ведут в нашу эпоху к диктатуре пролетариата, а диктатура пролетариата ставит в порядок дня социалистические задачи. В этом состояла центральная идея теории. Если традиционное мнение гласило, что путь к диктатуре пролетариата лежит через долгий период демократии, то теория перманентной революции устанавливала, что для отставших стран путь к демократии идет через диктатуру пролетариата. Этим самым демократия становится не самодовлеющим режимом на десятки лет, а лишь непосредственным вступлением к социалистической революции. Они связываются друг с другом непрерывной связью. Между демократическим переворотом и социалистическим переустройством общества устанавливается таким образом перманентность революционного развития.

Второй аспект «перманентной» теории характеризует уже социалистическую революцию как таковую. В течение неопределенно долгого времени и в постоянной внутренней борьбе перестраиваются все социальные отношения. Общество непрерывно линяет. Один этап преобразования непосредственно вытекает из другого. Процесс этот сохраняет по необходимости политический характер, т. е. развертывается через столкновения разных групп перестраивающегося общества. Взрывы гражданской войны и внешних войн чередуются с периодами «мирных» реформ. Революции хозяйства, техники, знания, семьи, быта, нравов развертываются в сложном взаимодействии друг с другом, не давая обществу достигнуть равновесия. В этом перманентный характер социалистической революции как таковой.

Международный характер социалистической революции, составляющий третий аспект теории перманентной революции, вытекает из нынешнего состояния экономики и социальной структуры человечества. Интернационализм не есть отвлеченный принцип, но лишь теоретическое

---

²¹ Троцкий Л. Перманентная революция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl004.htm.

²² Ленин В. О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 25. – С. 205.

и политическое отражение мирового характера хозяйства, мирового развития производительных сил и мирового размаха классовой борьбы. Социалистическая революция начинается на национальной почве. Но она не может на ней закончиться. Сохранение пролетарской революции в национальных рамках может быть лишь временным режимом, хотя бы и длительным, как показывает опыт Советского Союза. Однако при изолированной пролетарской диктатуре противоречия, внешние и внутренние, растут неизбежно вместе с успехами. Оставаясь и далее изолированным, пролетарское государство в конце концов должно было бы пасть жертвой этих противоречий. Выход для него только в победе пролетариата передовых стран. С этой точки зрения национальная революция не является самодовлеющим целым: она лишь звено интернациональной цепи. Международная революция представляет собою перманентный процесс, несмотря на временные снижения и отливы»²³.

В этом виде «теория перманентной революции» сводится в основном лишь к адекватной коммунистической позиции, которую разделяли и разделяют все марксисты, начиная с Ленина и (с оговорками, о которых еще пойдет речь в этой книге) Сталина. Все это актуально и сейчас, особенно учитывая опыт ревизионистского разложения социалистических стран и коммунистических партий, в ходе которого совершалась подмена марксизма мелкобуржуазными идеями: вместо ориентации мирового коммунистического движения на пролетарскую революцию – реанимация реформизма, изобретение «некапиталистического пути развития» ради компромисса с национальной буржуазией, вместо строительства коммунизма в социалистических странах – некий «развитой социализм» с весьма неясными перспективами, вместо борьбы за победу коммунизма в мировом масштабе – различные сорта «национально-патриотического социализма». Явно ошибочным у Троцкого является лишь упование в первую очередь на «пролетариат передовых стран». Также особняком стоит вопрос о «построении социализма в отдельно взятой стране», о котором мы напишем ниже.

Таким образом, неудивительным является совпадение взглядов Троцкого и Ленина в условиях революционного кризиса 1917 года – разногласий в коренных вопросах социалистической революции у них не было, тактические же моменты 1905–1907 годов (в частности, вопрос о конкретных формах союза пролетариата и крестьянства) ушли в прошлое.

Однако после поражения Первой русской революции будущим главу советского правительства и председателя Революционного военного совета ждало острое противоборство периода реакции. В контексте борьбы внутри РСДРП в эти годы Троцкий был противником Ленина, отвергая большевистские организационные принципы и пытаясь объединить большевиков с меньшевиками на позициях пролетарской революции. Утопичность этого подхода Троцкий впоследствии признавал сам:

«...Я занимал тогда в отношении к меньшевикам позицию, глубоко отличную от позиции Ленина. Я считал необходимым бороться за объединение большевиков с меньшевиками в одной партии. Ленин считал необходимым углублять раскол с меньшевиками, чтоб очистить партию от основного источника буржуазных влияний на пролетариат. Значительно позже я писал, что основная политическая моя ошибка состояла в том, что я не понял своевременно принципиальной пропасти между большевизмом и меньшевизмом»²⁴.

---

²³ Там же.

²⁴ *Троцкий Л.* Наши разногласия // Коммунистическая оппозиция в СССР. – М., 1990. Т. 1 [Электронный ресурс]. – Режим

Наиболее яркие документы периода данной полемики, в которых Ленин и Троцкий в весьма резкой форме отзываются друг о друге, впоследствии стали «визитной карточкой» антитроцкистской публицистики и историографии. Это, прежде всего, письмо Ленина «О краске стыда у Иудушки Троцкого»²⁵ (оставшееся неотправленным и найденное в ленинских бумагах лишь в начале 1930-х годов) и письмо Троцкого к меньшевику Чхеидзе, написанное в 1913 году, в котором Троцкий все так же ратует за «идейное и организационное разрушение переживших себя фракционных перегородок» в РСДРП²⁶. Не пытаясь оправдать оппортунистические позиции Троцкого в эти годы, отметим, что дальнейшая его деятельность в рядах партии большевиков, особенно в период Октябрьской революции и Гражданской войны, гораздо более весома, нежели антиленинская работа периода реакции.

Начавшаяся Первая мировая война приблизила Троцкого к большевизму. Как и Ленин, Троцкий выступил с однозначным осуждением социал-шовинизма, поддержки буржуазных правительств социал-демократическими партиями²⁷. Правда, его позиция была менее последовательна, чем ленинская. Так, Троцкий не разделял лозунга «поражения своего правительства», считая, что призывы к поражению России означают призыв к победе кайзеровской Германии.

«Поскольку поражение, при прочих равных условиях, расшатывает данный государственный строй, постольку предполагаемая поражением победа другой стороны укрепляет противную государственную организацию. А мы не знаем такого европейского социального и государственного организма, в упрочении которого был бы заинтересован европейский пролетариат, и в то же время мы ни в каком смысле не отводим России роли избранного государства, интересам которого должны быть подчинены интересы развития других европейских народов... Поражения дезорганизуют и деморализуют правящую реакцию, но одновременно война дезорганизует всю общественную жизнь, и прежде всего ее рабочий класс.

Война не есть, далее, такой «вспомогательный» фактор, над которым революционный класс мог бы иметь контроль: ее нельзя устранить по произволу, после того как она дала ожидавшийся от нее революционный толчок, как исторического мавра, который выполнил свою работу.

Наконец, выросшая из поражений, революция получает в наследство вконец расстроенную войной хозяйственную жизнь, истощенные государственные финансы и крайне отягощенные международные отношения», —

писал Троцкий в одной из статей периода войны²⁸. Исходя из неизбежности революции в самых развитых странах Европы, Троцкий не понимал важности прорыва цепи империалистических государств в самом слабом звене, ради которого революционеры-марксисты должны были в тех условиях идти до конца по пути разрыва со всяким оппортунизмом и рождаемой им «осторожностью».

Тем не менее симптоматично, что в эти годы Ленин, продолжая жестко критиковать Троцкого, одновременно начал признавать сближение позиций: «А Троцкий? Порвав с партией

доступа: lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/oppoz1.txt.

²⁵ Ленин В. О краске стыда у Иудушки Троцкого // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 20. – С. 96.

²⁶ Троцкий Л. К истории русской революции. – М., 1990. – С. 116–118.

²⁷ См., например: Троцкий Л. Год войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl891.htm>.

²⁸ Троцкий Л. Военная катастрофа и политические перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl869.htm>.

Мартова, он продолжает упрекать нас в том, что мы раскольники. Он понемногу двигается влево и предлагает даже порвать с вождями русских социал-шовинистов, но он не говорит нам окончательно, желает ли он единства или раскола по отношению к фракции Чхеидзе»²⁹.

Резюмируя, можно сказать, что своей революционной деятельностью Троцкий уже в период до 1917 года показал себя как блестящий революционный публицист и оратор (что и сделало его видной фигурой среди социал-демократов), но слабый марксист-теоретик. Его отличали приверженность схеме, громкой, но не слишком обоснованной фразе. Эти не лучшие особенности Троцкого как политика, а также амбиции и непонимание важности большевистского организационного плана по созданию сплоченной партии с идейным единомыслием и жесткой дисциплиной привели Троцкого в ряды оппонентов Ленина при всей враждебности Льва Давидовича реформизму и другим чертам политической программы меньшевиков. Немаловажно, на наш взгляд, и то, что Троцкий большую часть своей дореволюционной политической жизни работал за границей, имея контакты с широкими российскими трудящимися массами лишь эпизодически (как, например, в 1905 году, когда Троцкий входил в руководство Петербургского совета рабочих депутатов). Тогда как Сталин и будущие ближайшие его соратники (Каганович, Молотов, Андреев и т. д.) принадлежали к тем революционерам, которые работали почти исключительно в России и в результате куда лучше знали российские условия и особенности русского рабочего класса и крестьянства, включая и их не самые лучшие черты.

Февральская революция в России знаменательна с точки зрения политического пути обоих наших героев. Именно новая ситуация в стране сделала Троцкого большевиком, а Сталина толкнула на серьезные колебания, которые привели к разногласиям с Лениным.

Весной 1917 года Троцкий в соответствии со своими взглядами одним из первых среди марксистов выдвинул лозунг перерастания Февральской революции в революцию социалистическую, в захват власти пролетариатом. Уже в марте Троцкий писал:

«Прямая обязанность революционного пролетариата России – показать, что за злой империалистической волей либеральной буржуазии нет силы, ибо нет поддержки рабочих масс. Русская революция должна обнаружить перед всем миром свое подлинное лицо, то есть свою непримиримую враждебность не только династически-дворянской реакции, но и либеральному империализму.

Дальнейшее развитие революционной борьбы и создание Революционного Рабочего Правительства, опирающегося на подлинный народ, нанесет смертельный удар Гогенцоллерну, ибо даст могущественный толчок революционному движению германского пролетариата, как и рабочих масс всех остальных европейских стран»³⁰.

«Первым делом нужно обеспечить революцию от внутреннего врага. Нужно, не дожидаясь Учредительного Собрания, выметать монархический и крепостнический хлам из всех углов. Нужно научить русского крестьянина не доверять посулам Родзянки и патриотической лжи Милюкова. Нужно сплотить крестьянские миллионы против либеральных империалистов под знаменем аграрной революции и республики. Выполнить эту работу в полном объеме сможет только опирающееся на пролетариат Революционное Правительство, которое отстранит Гучковых и Милюковых от власти. Это Рабочее Правительство пустит в ход все средства государственной власти, чтобы поднять на ноги, просветить, сплотить самые отсталые и темные низы

---

²⁹ Ленин В. Открытое письмо Борису Суварину // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 30. – С. 271.

³⁰ Троцкий Л. Война или мир? (Внутренние силы русской революции) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl230.htm>.

трудящихся масс города и деревни. Только при таком правительстве и при такой подготовительной работе Учредительное Собрание явится не ширмой для землевладельческих и капиталистических интересов, а действительным органом народа и революции»³¹.

Как видим, Троцкий с самого начала выступил против весьма распространенных в те дни среди российских социал-демократов, в том числе большевиков, представлений о том, что после свержения самодержавия необходимо поддерживать буржуазное Временное правительство, поскольку оно осуществляет прогрессивные преобразования. Кроме того, он недвусмысленно заявил о необходимости союза рабочего класса с крестьянством ради свержения буржуазной власти. Позиции Троцкого совпали с программой Ленина («Апрельскими тезисами»), в новых условиях пересмотревшего старое положение большевизма относительно периода «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Формулировки лидера большевиков были весьма резкими:

«“Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства” уже осуществилась (в известной форме и до известной степени) в русской революции, ибо эта “формула” предвидит лишь соотношение классов, а не конкретное политическое учреждение, **реализующее** (выделено В.И. Лениным. – В.С.) это соотношение, это сотрудничество. “Совет рабочих и солдатских депутатов” – вот вам уже осуществленная жизнью “революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства”.

Эта формула уже устарела. Жизнь ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и тем самым видоизменила.

На очереди дня уже иная, новая задача: раскол пролетарских (антиоборонческих, интернационалистских, “коммунистских”, стоящих за переход к коммуне) элементов внутри этой диктатуры и элементов мелкохозяйских или мелкобуржуазных (Чхеидзе, Церетели, Стеклов, социалисты-революционеры и пр. и пр. революционные оборонцы, противники движения по пути к коммуне, сторонники “поддержки” буржуазии и буржуазного правительства).

Кто говорит теперь только о “революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства”, тот отстал от жизни, тот в силу этого перешел на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив “большевистских” дореволюционных редкостей (можно назвать: архив “старых большевиков”)³².

Вступив в противоборство в данном вопросе со многими видными большевиками (Камневым, Рыковым и т. д.), посчитавшими линию Ленина на непосредственную подготовку социалистической революции несвоевременной (по причине незавершенности буржуазной революции), Владимир Ильич взял курс на объединение всех революционных социал-демократов в рядах большевиков, окончательно превращавшихся из фракции в РСДРП в отдельную партию. По нашему мнению, некорректно говорить о «переходе Ленина на позиции Троцкого», так же как и о том, что «Троцкий капитулировал перед большевиками». Изменились условия – изменился и политический расклад. Каждый своим путем Ленин и Троцкий пришли к единой марксистской позиции, единственно верной в новой ситуации.

---

³¹ Троцкий Л. От кого и как защищать революцию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl231.htm>.

³² Ленин В. Письма о тактике // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 31. – С. 133–134.

После этого и произошло объединение так называемого межрайонного комитета социал-демократов, лидером которого был вернувшийся из эмиграции Троцкий, с большевиками. Причем Троцкий на VI съезде РСДРП (конец июля – начало августа 1917 года), санкционировавшем объединение, был сразу же избран в ЦК партии практически единогласно, получив 131 голос из 134³³. Это говорит о многом: за месяцы, прошедшие после возвращения Троцкого из эмиграции, он зарекомендовал себя как твердый сторонник послереволюционной платформы большевиков, несмотря на сделанное им в мае заявление о том, что «признания большевизма требовать от нас нельзя»³⁴ (имелся в виду дореволюционный большевизм). В час революции большевики не склонны были поднимать старые разногласия, снятые ходом событий. Кстати сказать, подчеркнем здесь ложность известного штампа о том, что Троцкий якобы вступил в партию большевиков в момент, когда ее победа была уже очевидна. Вовсе нет – это произошло после Июльского кризиса 1917 года, когда РСДРП(б) была загнана в полуподполье и подвергалась репрессиям, сам Троцкий – с рядом видных большевиков – в момент VI съезда находился в тюрьме, попав туда после начала антибольшевистских преследований за солидарность с большевистской партией, выраженную в том числе специальным письмом в адрес Временного правительства³⁵.

Последовавшие затем Октябрьская революция и Гражданская война были звездным часом большевика Троцкого. В сентябре 1917 года он возглавил Петроградский совет, став затем одним из политических руководителей Октябрьского восстания. В первые послереволюционные годы его выдающиеся заслуги в этом деле не оспаривались никем. В газете «Правда» от 6 ноября 1918 года Сталин писал:

«Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому»³⁶.

Затем, в ходе Гражданской войны, Троцкий стал одним из создателей Красной Армии, причем проявил себя как сторонник жесткой дисциплины и репрессивных мер по ее наведению. Однако, несмотря на все конфликты, нападки так называемой военной оппозиции, Ленин никогда не ставил вопрос об отставке Троцкого с поста Народного комиссара по военным и морским делам.

За свои заслуги в годы Гражданской войны Троцкий был, в частности, награжден орденом Красного Знамени. Это случилось в ноябре 1919 года, после отражения наступления Северо-Западной армии генерала Юденича на Петроград. В этой победе советских войск Троцкий сыграл немалую роль. *«Тов. Троцкий руководил Красной Армией не только из центра, но неизменно переносил свою работу на те участки фронтов, где задача была всего труднее, с неизменным хладнокровием и истинным мужеством идя наряду с героями-красноармейцами навстречу смертельной опасности. В дни непосредственной угрозы Красному Петрограду тов. Троцкий, отправившись на Петроградский фронт, принял ближайшее участие в организации блестяще проведенной обороны Петрограда, личным мужеством вдохновлял красноармейские*

---

³³ Шестой съезд РСДРП(б). – М., 1934. – С. 235.

³⁴ Цит. по: *Логинов. В.* Неизвестный Ленин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://leninism.su/books/3686-neizvestnyj-lenin.html?showall=1>.

³⁵ *Троцкий Л.* Письмо Временному правительству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl266.htm>.

³⁶ И. Сталин. Октябрьский переворот // Правда, 1918. – № 241 – 6 ноября. – С. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/43350/1918_g.pdf.

части на фронте под боевым огнем» – так было сказано в постановлении Президиума ВЦИК о награждении Троцкого орденом³⁷.

Погибни Троцкий в эти годы – не миновать бы ему типичного для СССР посмертного прославления в качестве героя революции. Во многих городах России и донныне были бы памятники Льву Давидовичу и улицы, названные его именем. Как это стало, например, с убитым эсерами в 1918 году Моисеем Урицким, чья политическая биография до революции идентична биографии Троцкого – сначала меньшевик, затем межрайонец³⁸.

История судила иначе, и деятельность Троцкого в годы Гражданской войны впоследствии подвергалась необоснованным нападкам. Тенденциозно подбирая исторические факты, сталинская и послесталинская историография всячески выпячивала послереволюционные разногласия Ленина с Троцким, представляя их как борьбу марксизма с оппортунизмом, одновременно замалчивая полную солидарность Ленина и Троцкого по гораздо более обширному ряду важнейших вопросов³⁹. Особое место заняли разногласия, возникшие в ходе подготовки Брестского мира, а также в связи с «дискуссией о профсоюзах». Например, составители советского сборника «Троцкизм – враг ленинизма», вышедшего в 1968 году⁴⁰, помимо документов, связанных с этими двумя сюжетами, в плане критики Троцкого Лениным в послереволюционный период смогли найти только две телеграммы Ленина, в которых он выражает несогласие с Троцким по военным вопросам, а также «ответ на замечания, касающиеся работы заводов», написанный Лениным в 1922 году, в котором отвергается неправомерная, по мнению Ленина, критика Троцким работы Рабкрин и Госплана⁴¹.

В ходе дискуссии по вопросу о Брестском мире Троцкий не поддерживал «левых коммунистов», ратовавших за революционную войну. Его позиция «ни мира, ни войны» была промежуточной между Лениным и «левыми коммунистами». Она оказалась ошибочной, но для того момента имела свой резон. Понимая, что вести революционную войну против Германии и ее союзников Советская Россия не в состоянии в силу развала армии, Троцкий считал, что заключение сепаратного мира негативно скажется на авторитете большевиков среди европейских революционеров. Поэтому его предложение сводилось к тому, чтобы фактически прекратить войну, при этом всячески затягивать переговоры с германским правительством, не дискредитируя себя мирным договором, рассчитывая на то, что Германия перебросит войска на Западный фронт и фактически также прекратит военные действия на Востоке (а кроме того, в Германии не за горами пролетарская революция)⁴².

Этот расчет оказался неверен, однако сама по себе позиция «ни мира, ни войны» не представляет собой ничего абсурдного. Вполне обоснованно Троцкий писал впоследствии, в 1927

---

³⁷ Вторая награда Льва Троцкого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://muzejsveta.livejournal.com/417193.html>; Краснов В., Дайнес В. Неизвестный Троцкий: Красный Бонапарт. – М., 2000. – С. 275.

³⁸ См., например: Луначарский А. Моисей Соломонович Урицкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.magister.msk.ru/library/politica/lunachar/lunaa015.htm.

³⁹ Как писал Троцкий, «если верить нынешним историкам и теоретикам партии, можно подумать, что шесть первых лет революции были целиком заполнены разногласиями по поводу Брест-Литовска и профсоюзов. Все остальное исчезло: исчезла подготовка Октябрьского переворота, исчез самый переворот, исчезло строительство государства, строительство Красной Армии, гражданская война, исчезли четыре Конгресса Коминтерна, вся вообще литературная работа по пропаганде коммунизма, работа по руководству иностранными коммунистическими партиями и нашей собственной. От всей этой работы, где во всем основном я был связан с Лениным полной солидарностью, осталось у нынешних историков только два момента: Брест-Литовск и профсоюзы»: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl035.htm.

⁴⁰ Троцкизм – враг ленинизма. – М., 1968.

⁴¹ Речь идет о следующих документах: телеграмма в ЦК РКП от 17 июня 1919 года // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 50. – С. 640; телеграмма Л.Д. Троцкому, Л.П. Серебрякову, М.М. Лашевичу // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 51. – С. 75; Ответ на замечания, касающиеся работы заводов (заместителей председателя СНК) // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 45. – С. 180–182.

⁴² См. выступление Троцкого на VII съезде РКП(б) // Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года: Стенографический отчет. – М., 1962. – С. 65–72.

году: «...между классами, как и между государствами, совсем не редки отношения “ни мира, ни войны”. Достаточно вспомнить, что несколько месяцев спустя после Бреста, когда революционная ситуация в Германии определилась полностью, мы объявили брестский мир расторгнутым, отнюдь не открывая войны с Германией. Со странами Антанты у нас в течение первых лет революции были отношения “ни мира, ни войны”. Такого же рода отношения у нас, в сущности, и теперь с Англией (при консерваторах)»⁴³.

Позиция Троцкого была поддержана большинством ЦК РСДРП(б). Согласно документу, на заседании ЦК 24 (11) января 1918 года было принято следующее решение:

«Тов. Троцкий предлагает поставить вопрос: собираемся ли мы призывать к революционной войне? Ставится на голосование.

За – 2, против – 11, воздержался – 1.

Тов. Ленин предлагает поставить на голосование, что мы всячески затягиваем подписание мира. Ставится на голосование.

За – 12, против – 1.

Тов. Троцкий предлагает поставить на голосование следующую формулу: мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем.

Ставится на голосование.

За – 9, против – 7»⁴⁴.

Сталин же в ходе данной дискуссии сначала возражал против формулы Троцкого, но на следующем заседании, 1 февраля (19 января) 1918 года признал: «Выход из нашего положения дала нам средняя точка зрения – позиция Троцкого»⁴⁵.

В советской историографии общепринятым было мнение, основанное на цитате из выступления Ленина на VII съезде РКП(б), что между Лениным и Троцким в конце января 1918 года, накануне отъезда Троцкого на переговоры в Брест, была заключена устная договоренность. Согласно ей, советская делегация на мирных переговорах, которую возглавлял Лев Давидович, согласится на подписание мира после предъявления немецкой стороной ультиматума о начале наступления, чего Троцкий не сделал. Однако существование этой договоренности никак не задокументировано, и есть основания полагать, что речь идет о заключении мира после начала немецкого наступления⁴⁶. Когда же наступление началось, Троцкий воздер-

⁴³ Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl035.htm.

⁴⁴ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года: Стенографический отчет. – М., 1962. – С. 246.

⁴⁵ Там же. – С. 249.

⁴⁶ Современные исследователи Ю. Фельштинский и Г. Чернявский пишут (мы не разделяем их обвинения в адрес Ленина в клевете, речь может идти об ошибке Ленина либо неправильной интерпретации его заявления. – В.С.): «Общепринято мнение, что, возвратившись в Брест для возобновления переговоров в конце января по н. ст., Троцкий имел директиву советского правительства подписать мирный договор. Эта легенда основывается на заявлении Ленина, сделанном на VII партийном съезде: “Было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем”. Поскольку никаких официальных партийных документов о договоренности с Троцким не существовало, оставалось предполагать, что Ленин и Троцкий сговорились о чем-то за спиной ЦК в личном порядке и Троцкий, не подписав германский ультиматум, нарушил данное Ленину слово. Есть, однако, все основания полагать, что Ленин оклеветал Троцкого, пытаясь свалить на него вину за срыв мира и начало германского наступления. За это говорит и отсутствие документов, подтверждающих слова Ленина, и наличие материалов, их опровергающих. Так, в воспоминаниях Троцкого о Ленине, опубликованных в 1924 году сначала в “Правде”, а затем отдельной книгой, имеется отрывок, который трудно трактовать иначе, как описание того самого разговора-сговора, на который намекал Ленин с трибуны съезда. Вот как пересказывал состоявшийся диалог Троцкий: “Ленин:– Допустим, что принят ваш план. Мы отказались подписать мир, а немцы после этого переходят в наступление. Что вы тогда делаете? Троцкий:– Подписываем мир под штыками. Тогда картина ясна рабочему классу всего мира.– А вы не поддержите тогда лозунг революционной войны?– Ни в коем случае.– При такой постановке опыт может оказаться не столь уж опасным. Мы рискуем потерять Эстонию или Латвию... Очень будет жаль пожертвовать социалистической Эстонией, – шутил Ленин, – но уж придется, пожалуй, для доброго мира пойти на этот компромисс [364].– А в случае немедленного подписания мира разве исключена возможность немецкой военной интервенции в Эстонии или Латвии?– Положим, что так, но там только возможность, а здесь почти наверняка” [365]. Таким образом, Троцкий и Ленин действительно договорились о том, что мир будет заключен, но не после предъявления ультиматума, а после начала наступления германских войск. Сам Троцкий лишь однажды

жался при голосовании по вопросу о мире, поспособствовав победе ленинской позиции. При этом Троцкий заявил: *«Вести революционную войну при расколе в партии мы не можем... При создавшихся условиях наша партия не в силах руководить войной... Доводы В.И. [Ленина] далеко не убедительны; если мы имели бы единодушие, могли бы взять на себя задачу организации обороны, мы могли бы справиться с этим... если бы даже принуждены были сдать Питер и Москву. Мы бы держали весь мир в напряжении. Если мы подпишем сегодня германский ультиматум, то мы завтра же можем иметь новый ультиматум. Все формулировки построены так, чтобы дать возможность дальнейших ультиматумов... С точки зрения международной, можно было бы многое выиграть. Но нужно было бы максимальное единодушие; раз его нет, я на себя не возьму ответственность голосовать за войну»⁴⁷.*

Лучшим доказательством несостоятельности утверждений об «авантюризме» и «предательстве» Троцкого в ходе дискуссии о Брестском мире служит тот факт, что сразу после заключения мира он был назначен на пост народного комиссара по военным и морским делам. «Предатель» никогда не стал бы «министром обороны» в стране, где начиналась Гражданская война и нужно было с нуля строить армию.

Но вернемся к событиям 1917 года. Сталин после Февраля оказался в числе тех большевиков, кто не понял новой расстановки сил и выступил за критическую поддержку Временного правительства на данном этапе революции. В докладе на Петроградском партийном совещании большевиков в конце марта Сталин сказал:

«Роли поделились. Сов. Р. и С.Д. фактически взял почин революционных преобразований: С.Р. и С.Д. – революционный вождь восставшего народа, орган, контролирующий Временное Правительство. Временное же Правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа. С.Р. и С.Д. мобилизует силы, контролирует Временное же Правительство – упираясь, путаясь, берет роль закрепителя тех завоеваний народа, которые фактически уже взяты им. Такое положение имеет отрицательные, но и положительные стороны: нам невыгодно сейчас форсировать события, ускоряя процесс откалывания буржуазных слоев, которые неизбежно впоследствии должны будут отойти от нас. Нам необходимо выиграть время, затормозив откалывание средне-буржуазных слоев, чтобы подготовиться к борьбе с Временным Правительством»⁴⁸.

коснулся этого вопроса, причем в статье, оставшейся неопубликованной. В ноябре 1924 года, отвечая на критику по поводу издания им “Уроков Октября”, Троцкий написал статью “Наши разногласия”, где касательно Брест-Литовских переговоров указал: “Не могу, однако, здесь не отметить совершенно безобразных извращений Брест-Литовской истории, допущенных Куусиненом. У него выходит так: уехав в Брест-Литовск с партийной инструкцией в случае ультиматума – подписать договор, я самовольно нарушил эту инструкцию и отказался дать свою подпись. Эта ложь переходит уже всякие пределы. Я уехал в Брест-Литовск с единственной инструкцией: затягивать переговоры как можно дольше, а в случае ультиматума выторговать отсрочку и приехать в Москву для участия в решении ЦК. Один лишь тов. Зиновьев предлагал дать мне инструкцию о немедленном подписании договора. Но это было отвергнуто всеми остальными голосами, в том числе и голосом Ленина. Все соглашались, разумеется, что дальнейшая затяжка переговоров будет ухудшать условия договора, но считали, что этот минус перевешивается агитационным плюсом. Как я поступил в Брест-Литовске? Когда дело дошло до ультиматума, я сторговался насчет перерыва, вернулся в Москву и вопрос решался в ЦК. Не я самолично, а большинство ЦК по моему предложению решило мира не подписывать. Таково же было решение большинства всероссийского партийного совещания. В Брест-Литовск я уехал в последний раз с совершенно определенным решением партии: договора не подписывать. Все это можно без труда проверить по протоколам ЦК”. То же самое следует из текста директив, переданных в Брест по поручению ЦК Лениным и предусматривающих разрыв переговоров в случае, если немцы к уже известным пунктам соглашения прибавят еще один – признание независимости Украины под управлением “буржуазной” Рады». *Фельштинский Ю., Чернявский Г.* Лев Троцкий. – М., 2012. Книга вторая. Большевик. 1917–1923 гг. Глава 2 «Брестский мир» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/felshinskiy_yuriy/lev_trotsky_bolshevik_19171923.html.

⁴⁷ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года: Стенографический отчет. – М., 1962. – С. 265.

⁴⁸ Цит. по: *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl035.htm>.

В связи с этим в одной из своих статей описываемого периода Сталин выступал всего лишь за «давление на Временное правительство с требованием изъятия им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры»⁴⁹. В другом тексте, написанном по поводу выступления министра иностранных дел Милюкова о целях России в войне, от которого отмежевался министр юстиции Керенский, объявив слова Милюкова его «личным мнением», Сталин также выразил это примирительное отношение к Временному правительству:

«Или сообщение Керенского неверно, и тогда революционный народ должен призвать к порядку Временное правительство, заставив его признать свою волю.

Или Керенский прав, и тогда г. Милюкову нет места во Временном правительстве, – он должен уйти в отставку»⁵⁰.

Естественно, это расходилось с позицией Ленина, сразу же после революции в «Письмах из далека» выступившего против всякой поддержки рабочими и крестьянами Временного правительства, в пользу перехода всей власти в руки Советов⁵¹.

Поддался Сталин и объединительным тенденциям описываемого периода, выступив за объединение с меньшевиками (кроме их правого крыла во главе с Плехановым, откровенных шовинистов). На том же партийном совещании по поводу объединительного предложения одного из видных меньшевиков Ираклия Церетели он говорил:

«Мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения по линии объединения. Возможно объединение по линии Циммервальда – Кинтале... Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия. Но есть один вопрос – объединять необъединимое невозможно. С теми, кто сходится на Циммервальде и Кинтале, т. е. кто против революционного оборончества, у нас будет единая партия. Это – демаркационная линия»⁵².

То есть, в отличие от Ленина, Сталин считал возможным объединение не только левых, но и центристских элементов социал-демократии («каутскианцев»), выступавших против войны с позиций «социал-пацифизма». Именно последние имели преобладание на конференциях в Циммервальде и Кинтале, Ленин же и другие революционеры именовали себя «Циммервальдской левой»⁵³.

Впрочем, после приезда в Россию Ленина и опубликования «Апрельских тезисов» Сталин, в отличие от Каменева и ряда других большевиков, не настаивал на своих ошибках, встав на ленинскую позицию.

Данный эпизод в политической биографии Сталина объясняется тем фактом, что подобные взгляды в первые дни после Февраля были характерны для многих большевиков. Сталин не принадлежал к наиболее прозорливым революционерам и здесь, как и большинство из них, действовал по шаблону, не сумев сразу понять кардинального изменения обстановки, которая требовала отказа от ряда старых укоренившихся представлений.

Тем не менее Сталин оставался одним из лидеров партии большевиков, особенно его ценили в руководстве как специалиста по национальному вопросу. С апреля 1917 года Сталин входит в Бюро ЦК РСДРП(б) и в дальнейшем остается членом «узкого состава» большевист-

⁴⁹ Сталин И. О войне // И. Сталин. Сочинения. – М., 1946. Т.3. – С.8.

⁵⁰ Сталин И. Или-или // И. Сталин. Сочинения. – М., 1946. Т.3. – С. 21–22.

⁵¹ Ленин В. Письма из далека // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 31. – С. 11–59.

⁵² Цит. по: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl035.htm>.

⁵³ Об отношении Ленина в этот момент к «центристскому» течению в вопросе о мире см., например: Ленин В. Луиблановщина // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 31. – С. 127–130.

ского руководства, принявшего впоследствии вид Политического бюро (Политбюро). На VI съезде партии летом 1917 года именно Сталину поручается основной доклад.

Примечательно высказывание Сталина в заключительном слове на данном съезде:

«Некоторые товарищи говорили, что, так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции. Они были бы правы, если бы не было войны, если бы не было разрухи, не были бы расшатаны основы народного хозяйства. К тому же нигде у пролетариата не было таких широких организаций, как Советы. В этом реальная основа постановки вопроса о социалистической революции у нас, в России»⁵⁴.

Автор одной из статей, написанной в годы позднего СССР, обличая Сталина, комментировал это так:

«По логике Сталина только война, разруха и расшатывание основ народного хозяйства сделали социалистическую революцию в России возможной и необходимой. Чем же, в таком случае, отличается постановка вопроса о победе социалистической революции в России у Сталина от тех, кто говорил, что Россия еще не доросла до социализма?»⁵⁵

Перед нами интересный пример – «сталинский троцкизм» обвиняется с позиций «позднесоветского сталинизма». На самом деле данная фраза Сталина свидетельствует лишь о том, насколько в 1917 году даже твердые большевики-ленинцы были далеки от планов «полной победы социализма в одной стране», тем более такой отсталой, как Россия, раз уж они считали, что даже сама революция стала возможна лишь в силу особых обстоятельств, вызванных войной. В дальнейшем этот аспект будет замалчиваться в советской историографии, и из сталинских времен это замалчивание пойдет дальше, что и доказывает реплика вышеупомянутого автора.

Доказывается это и другим, более известным эпизодом на VI съезде. В резолюцию, содержащую слова *«задачей этих революционных классов является тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества»*, будущий левый оппозиционер Е. Преображенский предложил внести поправку: *«для направления ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе – к социализму»*.

Сталин возразил Преображенскому следующим образом: *«Я против такой поправки. Не исключена возможность, что именно Россия является страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась в условиях войны такой свободой, как Россия, и не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»*⁵⁶.

Естественно, впоследствии советские историки изображали этот диалог как один из первых эпизодов будущей полемики 1920-х годов по поводу «социализма в отдельно взятой

⁵⁴ Шестой съезд РСДРП (б). – М., 1934. – С. 108.

⁵⁵ Косичев А. К вопросу о роли вождей партии в Октябрьской революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socialcompas.com/2017/01/19/stalin-v-1917-godu/>.

⁵⁶ Шестой съезд РСДРП(б). – М., 1934. – С. 233–234.

стране». Однако из контекста видно, что речь на VI съезде идет лишь о начале социалистического строительства. Сталин справедливо утверждает, что этому началу в силу сложившихся обстоятельств не помешает относительная отсталость страны, крестьянское большинство в ее населении.

Осенью 1917 года, в период подготовки Октябрьского восстания, Сталин вновь вступает в противоречие с Лениным, фактически беря под защиту Каменева и Зиновьева, выступивших против организации восстания на страницах газеты «Новая жизнь». По поводу резкого высказывания Ленина, считавшего, что Зиновьев и Каменев достойны исключения из партии, Сталин поместил в редактируемой им большевистской газете «Рабочий путь» заявление: «*ОТ РЕДАКЦИИ. Мы в свою очередь выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева (а также заявлением т. Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи тов. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками*»⁵⁷. Впрочем, мнение Ленина по поводу Зиновьева и Каменева вообще не получило поддержки ЦК большевиков. Этот вопрос обсуждался на заседании ЦК РСДРП(б) 20 октября 1917 года. Как пишет Н. Капченко:

«На заседании произошла настоящая баталия. Одни решительно осуждали заявления Каменева и Зиновьева, но считали, что собрание членов ЦК неправомочно исключать их из числа членов партии и ЦК. Предложенную самим Каменевым отставку с поста члена ЦК принимают и вместе с тем обязывают обоих “штрейкбрехеров” не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии работы...»

В начале обсуждения он (Сталин. – В.С.) заявил, что “предложение тов. Ленина должно быть разрешено на пленуме, и предлагает в данный момент не решать”»⁵⁸.

Затем в ходе заседания Сталин выразил следующую позицию: «Тов. Сталин считает, что К[аменев] и З[иновьев] подчинятся решениям ЦК, доказывает, что все наше положение противоречиво; считает, что исключение из партии не рецепт, нужно сохранить единство партии; предлагает обязать этих двух тт. подчиниться, но оставить их в ЦК»⁵⁹.

Судя по всему, как и многие большевики, Сталин сомневался в успешном исходе восстания, оттого и не был склонен судить излишне строго поступок Каменева и Зиновьева. К тому же надо учитывать, что исключение двух очень известных большевистских вождей накануне восстания могло привести к расколу партии. Неслучайно и Ленин согласился на то, чтобы отложить обсуждение вопроса о поведении Каменева и Зиновьева, хотя они, вопреки запрету партии, продолжали публично отстаивать свои взгляды⁶⁰.

Весьма скромная роль Сталина в Октябрьском восстании вряд ли может ставиться ему в вину – он не был ярким оратором и вообще публичным политиком, не имел до этого никогда отношения и к военному делу. В октябрьские дни он решал относительно «мирные», но тем не менее важные задачи:

«В протоколах ЦК лаконично зафиксировано, что на заседании 21 октября (3 ноября), где он, кстати, был введен в состав Исполнительного комитета советов, Сталин выступил с рядом важных инициатив. Причем эти

---

⁵⁷ Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917 – февраль 1918. – М. – Л., 1929. – С. 137.

⁵⁸ Капченко Н. Указ. соч. – С. 421.

⁵⁹ Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917 – февраль 1918. – М.; Л., 1929. – С. 128.

⁶⁰ «Но 22 октября действительно стал “Днем Петросовета”, а не днем погромов. На митинги большевики бросили лучших своих ораторов – Троцкого, Володарского, Коллонтай, Крыленко, Лашевича, Раскольниковова... Несмотря на запрет ЦК, выступал со своей “особой позицией” и Каменев». *Логин В. Неизвестный Ленин* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://leninism.su/books/3686-neizvestnyj-lenin.html?showall=1>.

инициативы носили не какой-то отвлеченный и пропагандистский характер, а фактически были нацелены на решение коренных вопросов власти и издание соответствующих правовых актов намечавшегося к открытию Второго Всероссийского съезда советов. В протоколах читаем:

“Тов. Сталин предлагает подготовить доклады на темы:

1) о войне; 2) о власти; 3) о контроле; 4) о национальном вопросе; 5) о земле.

...Тов. Сталин предлагает послать в Москву товарища с требованием немедленного приезда московской делегации; наметить круг вопросов, по которым нужны тезисы:

О земле, о войне, о власти – поручить тов. Ленину.

О рабочем контроле – тов. Милютину.

О национальном вопросе – тов. Сталину.

Доклад о текущем моменте – тов. Троцкому”.

“Все это принимается”, – лапидарно констатируется в протоколах».

Как указывает Н. Капченко, «выдвинутые им предложения очерчивали основные пункты повестки дня открывавшегося съезда и даже в каком-то смысле намечали первые контуры персонального состава будущего нового большевистского правительства»⁶¹.

В годы Гражданской войны Сталин продолжал оставаться одним из лидеров большевистской партии, руководившим как тыловой работой (Народным комиссариатом по делам национальностей), так и военными операциями. В эти же годы берет начало взаимная личная вражда Сталина и Троцкого, связанная, в частности, с разногласиями по поводу вопросов обороны Красной Армией Царицына, где действовал Сталин⁶².

Последний даже косвенно примыкал к «военной оппозиции», выступавшей против Троцкого с позиций сохранения «партизанского» характера Красной Армии и большей осторожности в привлечении в нее «военспецов», то есть офицеров царской армии. Впрочем, как замечает Капченко, «верхом наивности полагать, что такому реалистически мыслящему человеку, каким не только слыл, но и являлся Сталин, было присуще непонимание столь простой истины, что новой власти нужна регулярная армия, а не партизанская вольница. Без железной дисциплины такую армию создать невозможно. Так что приписывать Сталину заведомо абсурдные идеи о противодействии созданию строго централизованной и хорошо дисциплинированной армии – значит рисовать заведомо извращенную и до предела примитивную картину.

Но что его, так сказать, духовно роднило с представителями оппозиции, так это критика в адрес Троцкого, неприятие методов руководства военным делом со стороны последнего. Здесь сказывались не только личная неприязнь к Троцкому, но и принципиальное несогласие с его методами проведения в жизнь выработанной партией политики в военных вопросах. Чего здесь было больше – личной антипатии или разногласий по принципиальным вопросам? Видимо, одно сочеталось с другим и накладывалось друг на друга»⁶³.

И Троцкий, и Сталин по итогам Гражданской войны подошли к началу мирного строительства авторитетными вождями, ближайшими помощниками Ленина. А также главными претендентами на роль лидера первого рабочего государства в случае смерти Владимира Ильича.

⁶¹ Капченко Н. Указ. соч. – С. 424.

⁶² Об этом конфликте см., например: Войтиков С. «Разногласие есть и вынесено в печать»: дискуссия по военному вопросу в Советской России во второй половине 1918 – начале 1919 г. // Новейшая история России, 2014. – № 2. – С. 8–22; Войтиков С. «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: пиррова победа Троцкого над Сталиным, или Как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник, 2014. – № 39. – С. 120–148.

⁶³ Капченко Н. Указ. соч. – С. 544.

Наследие Ленина

Последний период политической деятельности Ленина неразрывно связан с начавшейся впоследствии борьбой между его преемниками, прежде всего между Сталиным и Троцким. Как свидетельствуют документы, Ленин весьма неоднозначно относился к ним обоим.

В 1920–1921 годах произошло известное столкновение Ленина с Троцким в ходе так называемой дискуссии о профсоюзах. Выступая против проектов Троцкого по милитаризации труда, огосударствления профсоюзов, Ленин сделал немало, чтобы ослабить влияние сторонников линии Троцкого. По иронии судьбы, именно опровергая позицию Троцкого, Ленин произнес свои знаменитые слова, которые впоследствии так часто будет приводить левая оппозиция в борьбе со сталинским большинством ЦК: «...Т. Троцкий тут же делает со своей стороны ошибку. У него выходит, что защита материальных и духовных интересов рабочего класса не есть роль профсоюзов в рабочем государстве. Это ошибка. Тов. Троцкий говорит о “рабочем государстве”. Позвольте, это абстракция. Когда мы в 1917 году писали о рабочем государстве, то это было понятно; но теперь, когда нам говорят: “Зачем защищать, от кого защищать рабочий класс, так как буржуазии нет, так как государство рабочее”, то тут делают явную ошибку. Не совсем рабочее, в том-то и штука. Тут и заключается одна из основных ошибок т. Троцкого... государство у нас рабочее с бюрократическим извращением. И мы этот печальный, – как бы это сказать? – ярлык, что ли, должны были на него навесить... Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства»⁶⁴.

То есть Троцкий в данном вопросе вновь проявил определенный схематизм, недостаток диалектики в анализе социальной действительности. Хотя надо отметить, что главный удар на X съезде РКП(б), где произошли кульминационные события «дискуссии о профсоюзах», был нанесен Лениным по противоположному от Троцкого уклону – «Рабочей оппозиции» во главе со Шляпниковым и Коллонтай. В отличие от них Троцкий не был обвинен в уклонизме и впоследствии был солидарен со всем руководством партии в осуждении как «Рабочей оппозиции», так и других ультралевых групп в партии.

Левая оппозиция в партии большевиков, критиковавшая отрыв верхов партии от масс, материальное расслоение и вообще компромиссы со старым миром, появилась уже через несколько месяцев после Октября. Первоначально – в виде фракции «левых коммунистов», не только выступавших против Брестского мира, но и ратовавших за немедленную национализацию всей экономики, а также принявших в штыки меры большевистского руководства по созданию постоянной армии и укреплению трудовой дисциплины на предприятиях⁶⁵. Затем роль левой оппозиции взяла на себя «Группа демократического централизма» и «Рабочая оппозиция», а также нелегальная «Рабочая группа» во главе с Гавриилом Мясниковым, имевшим в начале 1920-х годов немалое влияние в пермской партийной организации⁶⁶.

Все эти группы выступали против ряда реально существовавших негативных явлений в Советской России и, в частности, в партии, однако предлагавшаяся альтернатива была несостоятельной. Ультралевые требовали немедленного введения в разрушенной неграмотной стране, находившейся во враждебном окружении, «прямой демократии», непосредственного управле-

⁶⁴ Ленин В. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // В. Ленин. – М., 1967. Т. 42. – С. 207–208.

⁶⁵ Тезисы «левых коммунистов» о текущем моменте // Левые коммунисты в России, 1918–1930-е гг. – М., 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aleksandr-kommari.narod.ru/left_communist_20_30.htm.

⁶⁶ О Мясникове см.: Аликina Н. Дон Кихот пролетарской революции. – Пермь, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rabkrin.org/alikina-n-don-kihot-proletarskoy-revoljutsii-kniga/>.

ния широких масс. Это было полное игнорирование условий, утопический подход, выражавший своего рода «головокружение от успехов» периода Гражданской войны и ожидания скорой мировой революции. Так, в Манифесте «Рабочей группы» говорилось:

«Все пойдет прахом, если пролетариат не станет во главе производства и не сумеет организовать его. Реки слез и крови, горы трупов, неопишемые страдания, вынесенные пролетариатом за время революции, будут только удобрением почвы, на которой возродится капитализм, на котором вырастет эксплуататорский мир, мир угнетения человека человеком, если пролетариат не овладеет производством, не покорит, не подчинит своему влиянию всю мелкобуржуазную стихию. В лице крестьянина и кустаря, путем замены материальной основы производства.

Советы Рабочих Депутатов, ковавшие когда-то единую волю пролетариата в борьбе за власть, победили на фронте гражданской войны, на фронте политическом, но, победивши, сами ослабели настолько, что теперь приходится говорить не об улучшении Советов, а об организации их.

Организовать Советы на всех национализированных фабриках и заводах для решения новой великой задачи, для организации того мира счастья, за который пролито столько крови.

Пролетариат ослаб. Основа силы его – крупное производство – находится в плохом положении, но чем слабее силы пролетариата, тем больше единства, спайки и организации должно проявить. Совет Рабочих Депутатов – это та форма организации, которая показала свою чудодейственную силу и не только покорила под ноги пролетариата врагов и супостатов его в России, но поколебала господство поработителей во всем мире, поставила под удар социалистической революции весь капиталистический и угнетательский строй.

Эти же Советы Рабочих Депутатов, встав во главе производства, во главе управления фабриками и заводами, кроме того, что вовлекут широчайшие пролетарские и полупролетарские массы к решению задач, стоящих перед ним, они сумеют повернуть не на словах, а на деле весь государственный аппарат лицом к производству»⁶⁷.

Авторы подобных деклараций желали немедленно прыгнуть в «царство свободы», не понимая необходимости профессионального, основанного на науке управления экономикой и всем государством. Для этого и нужна та самая «бюрократия», то есть слой управленцев, пока не созданы условия для отмирания государства и перехода к общественному самоуправлению. Последнее возможно лишь в условиях бесклассового коммунистического общества, в масштабах всего мира. Руководство социалистического государства, естественно, обязано стремиться к этому, однако, кроме ревизионизма, бывают и объективные препятствия для быстрого продвижения к коммунизму.

В условиях Советской России 1920-х годов рецепты «леваков» привели бы лишь к развалу централизованной экономической организации и подъему контрреволюции, тем более что тот же Мясников выступал за неограниченную свободу слова, в том числе и буржуазной пропаганды⁶⁸.

Некоторые левые группы в этот период даже пытались превратиться в отдельные партии, оппозиционные «переродившейся», по их мнению, РКП(б). Самый известный пример этому –

---

⁶⁷ Манифест Рабочей группы Российской Коммунистической Партии (б) // Левые коммунисты в России, 1918–1930-е гг. – М., 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aleksandr-kommari.narod.ru/left_communist_20_30.htm.

⁶⁸ Ленин В. Письмо Г. Мясникову // В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 44. – С. 78–83.

группа В. Панюшкина, объявившая себя в 1921 году «Рабоче-крестьянской социалистической партией». Как пишет историк С. Пирани, *«первый манифест этой группы клеймил идеологическое и организационное разложение РКП(б) вследствие “засилья чуждого рабочим элементом”, ответственного за “зло, вакханалию прожектерства, протекционизма и просто жульничества, хлестаковищину всех сортов и видов”. Все это вынудило покинуть партию “многих честных товарищей рабочих, не пожелавших с этим мириться”. Введение НЭПа привело Панюшкина к выводу, что руководство партии передало власть, завоеванную рабочими в октябре 1917 г., “в замаскированном виде” обратно в руки буржуазии, и в марте 1921 г., накануне своего выхода из партии, он осудил “декреты в пользу капиталистов, помещиков и буржуазии”, имея в виду решения Совнаркома о продовольственном налоге и снятии некоторых торговых ограничений»⁶⁹.*

То есть налицо крайне примитивные и неверные представления о ситуации в РСФСР, порожденные эмоциональным неприятием любых уступок капитализму. Выражение подобных взглядов в рамках партии в то время допускалось как элемент партийной демократии, и это было абсолютно верно – неправильные взгляды критиковались, их носителей старались переубедить, а не репрессировать. Однако группа Панюшкина пошла гораздо дальше, называя себя отдельной партией и ведя агитацию против РКП(б) как таковой:

«Она набрала 200–300 членов и обзавелась помещением в центре Москвы, где проводились собрания партийцев, в которых участвовали в среднем около 80 чел. Она направляла агитаторов на предприятия и организовывала большие конференции с участием рабочих и солдат, на которых стремилась вовлечь в дискуссию большевиков. 7 июня в помещении РКСП была проведена облава. По меньшей мере 18 человек было арестовано, Панюшкин и другие попали в тюрьму или были сосланы в административную ссылку»⁷⁰.

Как выяснил современный исследователь, РКСП даже имела контакты с эсеровской Донской повстанческой армией⁷¹. Интересный пример того самого «синдрома Кронштадта», который впоследствии сыграл большую роль в подавлении любой оппозиции в партии. Любая оппозиционная группа рассматривалась как потенциальный союзник антисоветских сил, и повод к этому давали реальные случаи, когда оппозиционеры-коммунисты объективно начинали помогать контрреволюции. Кроме поддержки частью кронштадтских коммунистов мятежа в марте 1921 года, сходным образом вели себя и группы, подобные РКСП.

Впрочем, репрессии даже против такой действительно «антипартийной» деятельности со стороны бывших членов РКП(б) были в начале 1920-х, если дело не доходило до вооруженной борьбы, очень мягкими. В частности, Панюшкин уже в декабре 1921 года встретился с Лениным, признал свои ошибки и был восстановлен в партии. Интересно, что, как и почти все бывшие оппозиционеры, будучи репрессированным в 1937 году, Панюшкин и тогда отделался всего лишь заключением в лагерь, в отличие от расстрелянного большинства оппозиционеров более позднего времени, имевших куда более близкие к «общепартийным» взгляды и пытавшихся действовать в рамках сохранения единой партии (даже после исключения из нее), подобно основной части Объединенной оппозиции 1926–1927 годов.

Тем не менее по отдельным вопросам критика ультралевых признавалась справедливой партийным руководством и учитывалась⁷². При том что Ленин вел борьбу с носителями ульт-

⁶⁹ Пирани С. Русская революция в отступлении. – М., 2013. – С. 172.

⁷⁰ Там же. – С. 173.

⁷¹ Пирани С. Русская революция в отступлении. – М., 2013. – С. 172.

⁷² «...Съезд заявляет в то же время, что по вопросам, привлекавшим особое внимание, например, группы так называемой “рабочей оппозиции”, об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о раз-

тралевых настроений, в частности, «Рабочая оппозиция» на X съезде партии была справедливо названа анархо-синдикалистским уклоном. Троцкий в тот период полностью поддерживал Ленина в борьбе с «леваками». В 1922 году именно он оппонировал «Рабочей оппозиции» по поводу ее фракционного обращения к Коммунистическому Интернационалу, сделанного накануне XI съезда РКП(б). «Рабочая оппозиция» заявляла, что в РКП(б) проникает буржуазная стихия, а рабочие в ее рядах составляют лишь 40 %:

«Руководящие центры ведут непримиримую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение... Силы партийной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии»⁷³.

Для разбора этих весьма жестких обвинений Коминтерном была создана специальная комиссия в составе Коларова (председатель), Кашена, Крейбиха, Террачини, Фриса, Мак-Мануса и Цеткин, признавшая несостоятельными доводы «Рабочей оппозиции». С защитой линии ЦК перед Коминтерном выступали Троцкий и Зиновьев.

На том же X съезде была принята знаменитая резолюция «О единстве партии», затем сыгравшая важную роль во внутрипартийной борьбе. Резолюция разумно запретила фракционное дробление партии в условиях отчаянного положения разрушенной войной Советской России, находившейся под угрозой внутренней и внешней контрреволюции. Однако слабым местом данного партийного решения стало отсутствие подробного определения, что же такое фракция и где кончается внутрипартийная дискуссия, предусмотренная системой партийной демократии (о необходимости которой было заявлено на съезде, как, впрочем, и на других мероприятиях партии большевиков описываемого периода), и начинается запрещаемая фракционная деятельность. Впоследствии это привело к произволу партийного руководства, когда любую группу несогласных с партийным курсом стало возможным объявлять фракцией и расправляться с ней административными мерами, не позволяя несогласным довести свое мнение до широких масс. Этим пользовалась в острые моменты как сталинская верхушка, так и позднее, в ходе внутрипартийной борьбы после смерти Сталина, хрущевская: «антипартийная группа Молотова – Маленкова – Кагановича» также обвинялась хрущевцами в нарушении резолюции «О единстве партии»⁷⁴.

Последствием разногласий Ленина и Троцкого в ходе «дискуссии о профсоюзах» стал вывод ряда видных сторонников Троцкого из руководства партии. Во многом за счет Троцкого произошел значительный рост влияния Сталина:

«Из прежнего состава Политбюро был выведен Крестинский, он также утратил свои посты в Оргбюро и в Секретариате. Вместо Крестинского в члены ПБ был введен Зиновьев, бывший до сего времени лишь кандидатом. Крупную перетряску претерпело и Оргбюро, из которого были выведены сторонники Троцкого и другие члены, явно не продемонстрировавшие свою лояльность Ленину во внутрипартийной борьбе, особенно в период дискуссии

витии демократизма и самодеятельности рабочих и т. п., какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием и испытываемы на практической работе. Партия должна знать, что по этим вопросам мы не осуществляем всех необходимых мер, встречая целый ряд разнообразных препятствий, и что, отвергая беспощадно неделовую и фракционную якобы критику, партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самодеятельности, за раскрытие, разоблачение и изгнание примазавшихся к партии и т. д.». Первоначальный проект резолюции X съезда РКП о единстве партии / В. Ленин. ПСС. – М., 1967. Т. 43. – С. 91–92.

⁷³ Цит. по: Назаров О. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. – М., 2002. Глава II «Решающий этап в борьбе за власть» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_3546.html.

⁷⁴ Постановление Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. Т.9. – С. 184–189.

о профсоюзах. Они были заменены другими, вполне лояльными Ленину (да и Сталину) людьми.

Однако особо следует отметить полную реорганизацию Секретариата, все прежние члены которого – Крестинский, Преображенский и Серебряков – рьяные сторонники Троцкого – были из него выведены и заменены В.М. Молотовым, Е.М. Ярославским и В.М. Михайловым. Первые два были людьми, полностью ориентировавшимися на Сталина, т. е. фактически ставленниками Сталина»⁷⁵.

На Сталина Ленин мог положиться как на человека, не проявившего идейных шатаний в ходе Гражданской войны и в сложный период перехода к НЭПу. В апреле 1922 года Сталин занимает вновь созданный пост Генерального секретаря ЦК РКП(б). Он делает немало для наведения организационного порядка в партии, сильно выросшей в численности за годы Гражданской войны. Каждый партиец был поставлен на строгий учет, создана централизованная система подбора кадров. Учетно-распределительный отдел ЦК, работавший под руководством Сталина, разрабатывал типовые характеристики для партийцев, занимавших ответственные должности. Причем изучались партийные работники очень подробно. Например,

«статья “Скрытые мотивы участия в движении РКП” допускала следующие варианты ответа: идейный классовый представитель; удовлетворение работой; тщеславие; мелкие личные выгоды; личное благополучие. Статья об отношении к директивам и дисциплинированности предполагала следующие варианты: подчиняется с улыбкой; подчиняется скрепя сердце; волынит, но подчиняется; саботирует; не подчиняется. Статья об умении отстаивать свои убеждения допускала такие варианты: настойчивый; твердый; легко уступает; слабохарактерный; безличный. Ум человека мог быть оценен таким образом: быстрый и изобретательный; находчивый; угловат и тяжеловат; неповоротлив; тупой. Восприимчивость к знаниям предполагалось оценить по следующей схеме: не знает, что знает; знает, что знает; знает, что не знает; не знает, что не знает; не хочет знать, что не знает (невежда). Статья об умении руководить работой и людьми допускала следующие варианты ответа: вождь; хороший руководитель; слабый руководитель; шляпа; люди управляют. Кроме перечисленного, данная характеристика предполагала статьи для оценки устойчивости партубеждений, интереса к марксизму, подхода к людям, критического отношения к самому себе, образа жизни, способности увязывать свою работу с другими задачами, способности планировать и систематизировать работу и т. д.»⁷⁶.

Сталин находил необходимым, как он выразился на XII съезде РКП(б), «каждого работника изучать по косточкам». Сосредоточив в своих руках информацию о партийных кадрах и полномочия по их распределению, Сталин сразу же приступает к активным действиям.

В 1922–1923 годах происходит массовая ротация партийных руководителей на местах. Так, за этот период в РСФСР по инициативе секретариата ЦК РКП(б) было снято 110 ответственных секретарей губкомов и обкомов, 99 заведующих организационным отделом губкомов-обкомов. Часть из них получила другие посты в партии, но более 50 % руководящей партийной работой в дальнейшем не занимались. Сняты были, конечно, и такие руководители, которые не справлялись с работой вследствие болезней или отсутствия способностей, замечен-

---

⁷⁵ Капченко Н. Указ. соч. – С. 585.

⁷⁶ Назаров О. Указ. соч. Глава II «Решающий этап в борьбе за власть» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_3546.html.

ные в создании местных группировок и т. д. Однако одновременно постов лишались и критики политики ЦК, то есть участники «Рабочей оппозиции» и «Группы демократического централизма». Неслучайно в дальнейшем некоторые из снятых с должностей в этот период партийцев были участниками левой оппозиции, вновь назначенные же в основном оказались твердыми сторонниками большинства⁷⁷. Затем, когда внутрипартийная борьба была в разгаре, руководители, выступившие на стороне оппозиции, как правило, сразу же снимались и часто перебрасывались в другие регионы, что не позволяло им «укорениться», развернуть пропаганду оппозиционных взглядов. Так, когда в январе 1924 года в ходе дискуссии большинство партийных ячеек Челябинского округа поддержало оппозицию и такое же решение принял пленум окружного комитета РКП(б), наряду с пропагандистским воздействием ЦК прибегнул и к организационным мерам. Из Челябинска были отозваны оппозиционные члены бюро окружкома, а также полностью изменен состав некоторых райкомов партии и окружкома РКСМ⁷⁸.

Одновременно в первый период пребывания Сталина на должности генерального секретаря были смещены и многие руководители губернских отделов ГПУ, что также во многом обеспечило лояльность Сталину советских спецслужб в ходе фракционной борьбы в партии⁷⁹.

Все эти действия нельзя назвать самоуправством Сталина – естественно, кадровая политика до отхода Ленина от работы контролировалась лидером большевиков и он в целом одобрял сталинские решения. Однако вскоре между Сталиным и Лениным возникают разногласия, способствовавшие сближению Троцкого с Лениным в конце 1922 – начале 1923 года.

Касались эти разногласия в первую очередь национального вопроса, признанным знатоком которого считался Сталин. Он выступил против Ленина по проблеме строительства Советского Союза, декларация об образовании которого была принята 30 декабря 1922 года. Сталин отстаивал не федерацию союзных республик, а вхождение республик в состав России (РСФСР) на правах автономии. То есть более централизованную структуру, которая сосредоточила бы в Москве практически все полномочия. При этом взгляды Ленина Сталин в письме членам Политбюро объявил «национальным либерализмом»⁸⁰. В эти же месяцы вспыхнул конфликт между Сталиным, Орджоникидзе и Дзержинским, с одной стороны, и рядом руководителей Советской Грузии (Мдивани, Махарадзе, Окуджава) – с другой. Касались они, в первую очередь, статуса Грузинской ССР – ее руководители выступали против создания Закавказской Федерации, за включение Грузии в СССР напрямую и за широкие полномочия местных республиканских властей в ущерб союзному центру. Сталин и его сторонники в ответ обвинили оппонентов в «национал-уклонизме»⁸¹.

Ленин выступил на стороне грузинских руководителей, жестко осудив Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского за их поведение. В своей статье «К вопросу о национальностях или автономизации» лидер большевиков писал:

«Я уже писал в своих произведениях по национальному вопросу, что никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национальностях вообще. Необходимо различать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной. Национализм большой нации и национализм нации маленькой.

По отношению ко второму национализму мы, националы большой нации, почти всегда оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия и даже больше того – незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений. Стоит только припомнить мои волжские

---

⁷⁷ Скоржин К. Обречены проиграть. Власть и оппозиция 1922–1934. – М., 2011. – С. 73–76.

⁷⁸ Резник. А. Троцкизм и левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 гг. – М., 2010. – С. 36–37.

⁷⁹ Скоржин К. Указ. соч. – С. 76–78.

⁸⁰ Капченко Н. Указ. соч. – С. 675.

⁸¹ Там же. – С. 670–671.

воспоминания о том, как у нас третируются инородцы. Как поляка называют не иначе как “полячишка”, как татарина высмеивают не иначе как “князь”, как украинца не иначе как “хохол”, грузин и вообще кавказских инородцев – как “кавказский человек”.

Поэтому интернационализм со стороны угнетающей, или так называемой великой, нации (хотя великой только своими насилиями, великой только как держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства нации, но и в таком равенстве, которое сокращает со стороны нации угнетающей, нации большей то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого – тот решительно не понимает пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остается, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения. Что важно для пролетариата? Для пролетариата не только важно, но существенно необходимо обеспечение его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство, для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцам то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесла ему правящая великодержавная нация. Я думаю, что для большевика, для коммуниста разъяснять это дальше не приходится, и я думаю, что в данном случае по отношению к грузинской нации мы имеем типичный пример того, что сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуется с нашей стороны истинно пролетарским отношением к делу.

Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела и обвиняет других в “социал-шовинизме” (тогда как он сам является настоящим не только “социал-шовинистом”, но и грубым великодержавным держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упрочения пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки обиженные нации, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями.

Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»⁸².

Таким образом, Ленин весьма недвусмысленно, может быть, даже излишне жестко, заявил о недопустимости уступок какому бы то ни было русскому патриотизму, возрождению «имперщины» под красным флагом. Вопрос этот затем был весьма болезненным весь советский период истории – тенденция к великодержавному уклону сохранилась и с середины 30-х по ряду причин значительно усилилась⁸³, помогая националистам нерусских наций поддерживать миф о «большевиках как продолжателях русской имперской традиции», являющийся ныне одним из краеугольных камней антикоммунистической пропаганды буржуазных республик, появившихся на обломках СССР. Хотя политика Сталина в этом вопросе, при всех уступках патриотизму, продолжала в целом наследовать ленинскому курсу. Так, в государственном устройстве СССР продолжалось строительство национальных республик, число которых при Сталине достигло пятнадцати (а в период с 1940 по 1956 год – шестнадцати).

---

⁸² Ленин В. К вопросу о национальностях или автономизации // В. Ленин. – М., 1967. Т. 45. – С. 358–360.

⁸³ Этому аспекту истории СССР сталинского времени посвящен наш материал «Буржуазный патриотизм и сталинская ВКП(б) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: lenincrew.com/bourgeois-patriotism/.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.